

Висенте Бласко-Ибаньес

Винный склад

Висенте Бласко-Ибаньес

Винный склад

«Public Domain»

1911

Бласко-Ибаньес В.

Винный склад / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1911

«Торопливо, какъ въ былыя времена, когда онъ опаздываль въ школу, вошелъ Ферминъ Монтенегро въ контору фирмы Дюпонъ, – эта фирма была первой виноторговлей въ городѣ Хересѣ, извѣстная во всей Испаніи – фирма «братъевъ Дюпонъ», владѣльцевъ знаменитаго вида Марчамало и фабрикантовъ коньяка, достоинства котораго превозносятся на послѣднихъ страницахъ газетъ, въ разноцвѣтныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на заборахъ и стѣнахъ старыхъ домовъ и даже на днѣ графиновъ для воды въ кофейняхъ...»

Содержание

I	5
II	16
III	25
IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Висенте Бласко Ибаньесъ

Винный складъ

I

Торопливо, какъ въ былыя времена, когда онъ опаздывалъ въ школу, вошелъ Ферминъ Монтенегро въ контору фирмы Дюпонъ, – эта фирма была первой виноторговлей въ городѣ Хересъ, извѣстная во всей Испаніи – фирма «братъевъ Дюпонъ», владѣльцевъ знаменитаго вида Марчамало и фабрикантовъ коньяка, достоинства котораго превозносятся на послѣднихъ страницахъ газетъ, въ разноцвѣтныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на заборахъ и стѣнахъ старыхъ домовъ и даже на днѣ графиновъ для воды въ кофейняхъ.

Дѣло происходило въ понедѣльникъ, и молодой служащій явился въ контору съ опозданіемъ на цѣлый часъ. Когда онъ вошелъ, его товарищи едва подняли глаза со своихъ бумагъ, какъ бы опасаясь жестомъ или словомъ стать соучастниками въ этомъ неслыханномъ нарушеніи аккуратности. Ферминъ съ безпокойствомъ окинулъ взглядомъ обширный залъ, въ которомъ помѣщалась контора, и затѣмъ устремилъ глаза въ смежный кабинетъ, гдѣ въ торжественномъ уединеніи возвышалось бюро изъ великолѣпнаго американскаго дерева. Хозяина еще не было тамъ. И молодой человекъ, уже болѣе спокойный, сѣлъ передъ своей конторкой и сталъ приводить въ порядокъ кипу бумагъ – предстоящую ему дневную работу.

Въ это утро ему казалось, что онъ видитъ въ конторѣ нѣчто новое, необычайное, точно онъ только что вошелъ туда, а не провелъ здѣсь цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ своей жизни. Пятнадцать лѣтъ – считая съ того дня, когда его приняли сюда мальчикомъ для отправки писемъ на почту и исполненія разныхъ порученій еще при жизни дона Пабло, второго владѣльца, изъ династіи Дюпоновъ – изобрѣтателя знаменитаго коньяка, открывшаго «новые горизонты» для виноторговли, какъ о томъ съ паѳосомъ извѣщали объявления, рассылаемыя торговой фирмой.

Ничего новаго не видѣлъ Ферминъ въ этомъ бѣломъ залѣ съ его холодной и суровой бѣлизной, съ его мраморнымъ поломъ, оштукатуренными и блестящими столами, съ его громадными окнами изъ матоваго стекла, которыя, прорѣзывая стѣну до потолка, придавали молочную нѣжность свѣту, врывающемуся въ нихъ. Шкапы, конторки и высокіе табуреты изъ темнаго дерева одни вносили теплый тонъ въ этотъ холодъ кругомъ. Рядомъ съ конторками виднѣлись стѣнные календари съ большими хромофотографированными изображеніями святыхъ, а также и мадоннъ.

Эта-то полумонашеская декорация конторы винъ и коньяка и пробудила въ нѣкоторомъ родѣ удивленіе въ Ферминѣ послѣ того, какъ онъ все это видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ немъ еще пребывали впечатлѣнія предшествующаго дня. Онъ провелъ его до поздней ночи съ донъ-Фернандо Сальватьерра, который вернулся въ Хересъ послѣ восьмилѣтняго заточенія въ одной изъ тюремъ сѣверной Испаніи. Знаменитый революціонеръ возвратился къ себѣ, на родину, скромно, безъ проблеска тщеславія, точно онъ эти долгіе годы провелъ не въ тюрьмѣ, а въ увеселительной поѣздкѣ.

На взглядъ Фермина, донъ-Фернандо нимало не измѣнился съ того послѣдняго раза, когда онъ его видѣлъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Лондонъ съ цѣлью усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ. Это былъ тотъ же донъ-Фернандо, котораго онъ зналъ въ дни юности. – У него сохранился тотъ же мягкій отеческій голосъ, та же добрая улыбка, тѣ же ясные, спокойные глаза, нѣсколько слезящіеся и ослабѣвшіе, но сверкавшіе сквозь слегка голубоватыя очки. Лишенія тюремной жизни вызвали кой-гдѣ сѣдину въ русыхъ его волосахъ, борода его побѣлѣла, а въ лицѣ все еще сохранилось прежнее югошеское его выраженіе.

Это был «святой мирянин», как, говоря о нем, называли его противники. Если бы он родился несколькими веками раньше, он пошел бы в монахи нищенствующего ордена, отдался бы весь утолению чужого горя и, быть может, кончил бы тем, что был бы причислен к лику святых. Но живя среди волнений периода борьбы, он стал революционером. Плач ребенка волновал его всего, в нем не проявлялось ни малейшего проблеска эгоизма, и он был готов на какой угодно поступок, если думал, что мог оказать им помощь несчастным. Тем не менее его имя вызывало страх и смятение среди богатых и достаточных людей, и ему, в его скитальческой жизни, стоило лишь появиться на несколько недель в Андалузии, чтобы власти тотчас же встревожились и была вызвана вооруженная сила. Неспособный сам нанести кому бы то ни было вред, ненавидя насилие, он тем не менее указывал народу на возмездие, как на единственное средство спасения.

Фермин вспомнил о последнем его злоключении. В бытность свою в Лондон, он прочел в газетах об аресте Сальватерра и вынесенном ему судебном приговоре. Появление его в окрестностях Хереса: когда сельские рабочие приступили к одной из своих стачек, его присутствие между ними – было единственным его преступлением. Его обвинили в соучастии в стачке и в противогосударственных стремлениях, а этого оказалось достаточно, чтобы засадить его в тюрьму.

Поведение Сальватерра в тюрьме возбуждало здесь общее изумление. Посвятив себя по личной склонности изучению медицины, он служил санитаром для заключенных в тюрьме и отдавал им и пищу и одежду – все, что ему присылали из Андалузии его друзья. Сторожа, видевшие в нем бывшего депутата, знаменитого агитатора, который в период республики отказался от министерского портфеля, – называли его с инстинктивным уважением дон-Фернандо.

Пробыв несколько дней в Мадриде среди журналистов и прежних политических товарищей, – они то и добились ему амнистии, не обращая внимания на его отказ воспользоваться ею, – он приехал в Херес, чтобы повидаться здесь с теми из своих друзей, которые еще оставались ему верными. Весь воскресный день он пробыл в небольшом винограднике в окрестностях Хереса, принадлежавшем одному из старых его товарищей из периода революции. Друзья и поклонники дон-Фернандо собрались туда, узнав о его приезде. И Фернан тоже явился повидаться с старым своим учителем. Он вспомнил детские свои годы, глубокое уважение, с каким он слушал этого человека, которым его отец восхищался. Дон-Фернандо прожил у них в доме долгое время и внушил и ребенку самые благородные стремления своей души – горячую любовь к человечеству.

Весь вечер и часть ночи провели друзья Сальватерра вместе с ним в маленьком домике среди виноградника. А хозяин этого виноградника радушно угощал их золотистым хересом и закуской из ветчины, оливок и других съестных припасов. Под конец у многих затуманились головы от выпитого вина, за исключением одного лишь дон-Фернандо. Он пил только воду, а относительно еды удовлетворился несколькими ломтями хлеба с сыром. Делал он это потому, что раз навсегда решил, во все время пока продолжается общественное неустройство и миллионы ему подобных медленно погибают от недостатка питания, лично он не имеет права на большее.

О, неравенство! Дон-Фернандо горячился, терял свою мягкость, думая об общественной несправедливости. Сотни тысяч человеческих существ умирают ежегодно от голода. Общество дѣлает вид, будто ничего об этом не знает, потому что те люди не умирают, как брошенные собаки, на улицах, они умирают в больницах, умирают в своих хижинах, повидимому являясь жертвами разных болезней, – в сущности же все они – жертвы голода, только голода!.. И подумать, что, однако, в мире имеются жизненные припасы для всех! Проклятая организация общества, которая дает свое согласие на подобного рода преследования!..

И донь-Фернандо, – друзья слушали, его в глубоком, исполненном уважения, молчании, – восхваляя имь будущее общество, в котором исчезнет всякое неравенство и люди будут наслаждаться материальным счастьем и душевным спокойствием. Неравенство в настоящем – вот источник всех золь, и, даже всех болезней.

В то время как Ферминь слушал своего учителя, в голову его мелькнуло одно из воспоминаний его юности, один из самых прогремевших парадоксов донь-Фернандо, сказанный имь еще до его заключения в тюрьму.

Сальватерра ораторствовал на митинге, объясняя рабочим, что представит из себя общество будущего. Все должности и профессии настоящего времени должны исчезнуть, не будет ни священников, ни солдат, ни политиков, ни адвокатов...

– А докторов? – спросил голос из глубины зала.

– И докторов не будет, – ответил донь-Фернандо с своим холодным спокойствием.

Послышался ропот недоумения и изумления, как будто восхищавшаяся имь публика готова была поднять его на смех.

– И докторов не будет, потому что, когда восторжествует наша революция, настанет конец всяким болезням.

И так как он предчувствовал, что раздастся взрыв недовольного смеха, он поспешил добавить:

– Настанет конец всем болезням, потому что болезни, существующие теперь, вызваны лишь тем, что богатые передают, а бедные – недодают. Новое общество, распределяя поровну средства существования, уравнивает жизнь, упразднит болезни.

И революционер вкладывал такое убеждение, такую веру в свои слова, что эти и другие его парадоксы принимались восторженными имь его последователями с таким же глубоким уважением, с каким в средние века слушали апостолов, проповедующих о пришествии на землю царства небесного.

Товарищи донь-Фернандо в маленьком домике в винограднике перешли затем и к воспоминаниям, – героической эпохи его жизни, к партизанской войне в горах, – восхваляя его подвиги, в то время как прежний вождь их лишь улыбался; точно он слышал рассказ о детских играх. Это была романтическая пора в его жизни. Борьба за формы правления!!!.. На свете было нечто более важное... И Сальватерра вспоминал о своем разочаровании в кратковременный период республики 73 г., республики, которая ничего не могла сделать и ни к чему не привела. Его товарищи в учредительном собрании, еженедельно свергавшие министерство и создававшие другое, пожелали сделать и из него министра... но он отказался.

Собравшиеся друзья вспомнили затем и о заговоре в Кадиксе, еще до возмущения эскадры, и перешли к воспоминанию о матери Сальватерра, напоминавшей собой матерей христианских легенд, которая, с улыбкой на лице, участвовала во всех великодушных безумствах и безраздумных поступках сыновей своих. Мать донь-Фернандо видела без малейшего протеста, как все скромное состояние семьи было растрачено на революционные предприятия, она последовала за сыном в Сеуту, когда смертный приговор был ему заменен пожизненным заключением в тюрьму... Зато и всю свою любовь человека, увлеченного гуманитарной страстью и не имевшего случая сосредоточить ее на женщине, Сальватерра сосредоточил на своей матери. Но она, к его бездельному горю, умерла во время его заключения в тюрьму.

Все эти воспоминания и это-то столь существенное различие между квазимонашеской атмосферой конторы с молчаливыми служащими, склоненными рядом с изображениями святых, и группой окружавших донь-Фернандо ветеранов романтической революции и

молодых борцов за экономические идеалы так смутило в тот понедельник утром молодого Монтенегро.

Он издавна знал всех своих сослуживцев, их низкопоклонство перед властным хозяином – директором торгового дома. Монтенегро боялся, что ему уже донесли о его посещении Сальватерры, так как он знал о шпионстве, широко развитом среди служащих, с целью заручиться благорасположением дон-Пабло. Он заметил что дон-Рамонь, завѣдующий конторой и директор «гласности», т. е. отдела публикаций торговой фирмы, посматривал на него с некоторым удивлением. Должно быть, ему уже было известно о сборище у дон-Фернандо. Но Фермань не боялся дон-Рамона. Его прошлое было ему известно, всю свою молодость он провел в кругах мелкой журналистики, в борьбе против всего существующего строя. При чем не приобрел и куска хлеба для старости. Наконец, утомленный борьбой и побуждаемый голодом, он приютился в конторѣ Дюпона, где редактировали оригинальные объявления и высокопарные каталоги, которые популяризировали производство винной торговой фирмы. Благодаря своим объявлениям, а также показной религиозности, он сдѣлался доверенным лицом Дюпона. Но Фермань не боялся его, зная убеждения его в прошлом и то, что еще и теперь он тайно хранил их в своей душе.

Полчаса слишком провел молодой человек, сортируя лежавшие перед ним бумаги и время от времени поглядывая на соседний кабинет, где все еще не появлялся хозяин; как бы желая отсрочить встречу с ним, он, отыскав предлог выйти из конторы, взял полученное письмо с заказом из Англии.

– Куда? – спросил дон-Рамонь.

– В отдел «докладов». Мне надо дать объяснения относительно поступившего заказа.

И, выйдя из конторы, он прошел через служебные отделы виноторговли. Эти отделы составляли чуть ли не целый городок с беспокойным населением из носильщиков, бочаров и поденщиков, работавших на площадках под открытым небом, лии же в галлеях, среди длинных рядов бочек.

Здания и отделы виноторговли Дюпона занимали целый квартал г. Хереса. Тут была целая масса навесов, закрывавшая собой весь склон холма, а среди них виднелись деревья обширного сада. Все Дюпоны пристраивали к старым все новым и новым зданиям сообразно с расширением их торговли. Через три поколения первоначальное, скромное строение превратилось уже в целый промышленный город без дыма и грохота, мтрный и улыбающийся под голубым небом, полным сияния и света, с стенами ослепительной бѣлизны и цветами, растущими на больших площадях среди рядов бочек.

Монтенегро прошел мимо двери овального павильона, с стеклянной крышей, прозванного скиней, в котором хранилось самое избранное вино, длинные ряды пузатых дубовых бочек с надписями содержащегося в них нектара, чуть ли не столѣтняго.

Ферминь прошел дальше, мимо больших площадей, где были выставлены ряды бочек с тѣм, чтобы солнечные лучи хорошенько прогрели их. Это было дешевое вино, обыкновенный херес, который выставляли под солнечные лучи, чтобы он поскорѣ состарился. Ферминь вспомнил, сколько времени и труда требовалось для производства хорошего хереса. Для этого нужно было по крайней мѣре десять лѣт: десять сильных брожений были необходимы для придания хересу того острого аромата и легкого, отдающего орѣхами вкуса, которые никакое другое вино не могло усвоить себѣ. Но требования торговой конкуренции, желание производить дешево, хотя бы и похуже, заставляли спѣшить с процессом старения вина и выставлять его на солнце, чтобы ускорить выпаривание его.

Пройдя через извилистые тропинки среди ряда выставленных бочек, Монтенегро дошел до отдела «гигантов» – громадного вмѣстилища еще непребродившего вина. Раскланявшись здѣсь с рабочими, Монтенегро через боковую дверь прошел оттуда в отдел, называемый «фрагтовым», где находились вина без этикета для передѣлки в разные сорта

винь. Въ этомъ зданіи фабриковался промышленный обманъ. Требования современной торговли принуждали монополистовъ одного изъ первыхъ винъ въ міръ прибѣгать къ этого рода смѣсямъ и комбинаціямъ, которыя вмѣстѣ съ коньякомъ составляли наибольшую часть вывозной торговли фирмы. Въ «фрахтовомъ» отдѣлѣ находилось четыре тысячи бурдюковъ различныхъ винъ для комбинацій. Въ темной комнатѣ, которая освѣщалась только маленькимъ окошечкомъ съ краснымъ стекломъ, имѣлась camera obscura. Здѣсь техникъ разсматривалъ вино изъ только что откупоренной бочки.

Сообразно съ «заказомъ» онъ комбинируетъ новое вино изъ различныхъ жидкостей и затѣмъ отмѣчалъ мѣломъ на бочкахъ число кувшиновъ, которые требовалось извлечь изъ каждой, чтобы составить смѣсь.

Монтенегро зналъ еще съ дѣтства техника «фрахтового» отдѣла. Это былъ самый давній служащій въ фирмѣ – старикъ, который какъ будто весь распухъ отъ окружающей его сырости, Вынужденный къ молчанію долгимъ пребываніемъ въ «камерѣ обскурѣ», онъ чувствовалъ потребность поболтать, лишь только въ тому представлялся случай.

– Что твой отецъ? – спросилъ онъ Фермина. – Все живетъ въ виноградникѣ, да? – Куда ему лучше тамъ, чѣмъ мнѣ въ этомъ сыромъ подвалѣ. Навѣрное онъ проживетъ дольше меня.

И увидавъ записку, которую ему протянулъ Монтенегро, онъ сдѣлалъ жестъ отвращенія.

– Опять заказъ! – воскликнулъ онъ съ ироніей. – Новую смѣсь вина для отправки. Прекрасная наша торговля, нечего сказать!.. Прежде мы были первой фирмой въ міръ, единственной по нашимъ винамъ и нашимъ виноградникамъ. Теперь мы фабрикуемъ «смѣси», иностранные вина, – мадеру, опорто, марсалу или подражаемъ тинтилю или малагѣ. И для этого Богъ создалъ виноградный нашъ сокъ и даетъ силу и сладость виноградникамъ Хереса, чтобы мы отказывались даже отъ собственнаго имени!.. Право, я готовъ желать, чтобы филоксера покончила со всѣми нашими виноградными лозами, до того мнѣ претитъ эта фальсификація и ложь!

Монтенегро зналъ о маніи старика. Всякій разъ, что ему приносили новый заказъ «смѣси», онъ раздражался проклятіями противъ упадка винъ Хереса.

– Ты не видѣлъ добраго стараго времени, Ферминильо, – продолжалъ онъ, – поэтому ты и относишься такъ легко ко всему существующему. Ты принадлежишь къ числу теперешнихъ, къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что дѣла идутъ хорошо., потому что мы продаемъ много коньяку, какъ и всякая другая фирма, въ чужихъ краяхъ, виноградники которыхъ производятъ лишь одну дрянъ, и не производятъ ничего подобнаго тому, что Богъ даруетъ Хересу... А мы съ этимъ нашимъ богатствомъ, съ этимъ даромъ Божьимъ, – мы фабрикуемъ коньякъ или разную смѣсь, оттого что хересь, настоящій хересь, теперь уже не въ модѣ, какъ говорятъ чужеземные сеньоры...

Старикъ негодовалъ, слушая возраженія Фермина:

– Это требованіе современной промышленности, сеньоръ Висенте, торговля и вкусъ публики измѣнились.

– Такъ пусть же они не пьютъ наше вино, пусть оставляютъ насъ въ покоѣ и не требуютъ отъ насъ, чтобы мы его фальсифицировали. Мы сохранимъ нашъ хересь у себя въ своихъ магазинахъ, дадимъ ему спокойно стариться, и я увѣренъ, что настанетъ время, когда придутъ просить его у насъ на колѣняхъ. Кругомъ насъ все сильно измѣнилось. Должно быть, Англія погибаетъ. Прежде къ намъ въ виноторговлю являлось меньше англичанъ, но зато они – эти прежніе путешественники – были знатные люди – лорды и леди по меньшей мѣрѣ. Было пріятно смотреть, какъ они производили пробу вина, собираясь дѣлать заказъ. Дайте вотъ этого и дайте вотъ того, чтобы сравнить. Такимъ образомъ они проходили по всѣмъ отдѣламъ, серьезные, какъ жрецы, пока, наконецъ, при выходѣ изъ магазина не требовалось отнести ихъ на рукахъ въ коляску, чтобы отправить въ ихъ гостиницу. Теперь же, когда въ Кадиксъ пристанетъ пароходъ съ англичанами, они являются сюда цѣлой толпой, съ гидомъ во главѣ, все перепробуютъ, потому что даютъ имъ пробовать даромъ. А если что купятъ, то лишь бутылку въ три песета.

И пьянѣть-то они не умѣютъ, какъ сеньоры: кричать, галдятъ, ссорятся и ходятъ по улицамъ, шатаясь, такъ что встрѣчные отворачиваются отъ нихъ, негодуя. Я думалъ прежде, что всѣ англичане богаты, а выходитъ, что эти-то ничего собой не представляютъ – они просто башмачники или лавочники изъ Лондона. Вотъ какъ идутъ дѣла.

Монтенегро улыбался, слушая несвязныя сѣтованія старика.

– Къ тому же, – продолжалъ онъ, – въ Англіи такъ же, какъ и у насъ, теряются добрые старые обычаи. Уже многіе англичане пьютъ одну лишь воду, и судя по тому, что мнѣ говорили, теперь не считается изящнымъ, чтобы сеньоры послѣ обѣда уходили бесѣдовать въ салонъ, въ то время какъ мужчины, оставаясь за столомъ, напиваются до того, что слуги ихъ должны дать себѣ трудъ вытаскивать ихъ изъ-подъ стола. Тѣ, которые все-таки еще напиваются, чтобы показать, что они сеньоры, пьютъ не хересъ, какъ здѣсь у насъ, когда его даютъ имъ даромъ, а «виски» съ содой и другими отвратительными смѣсями. Англичане вырождаются, они теперь уже далеко не тѣ, какими были въ прежнія времена, когда фирма Дюпона посылала бутылками или боченками хересъ сеньору Питту, Нельсону, Веллингтону и другимъ.

Монтенегро смѣялся, слушая эти жалобы донъ-Висенте.

– Смѣйтесь, молодой человѣкъ, смѣйтесь. Всѣ вы одинаковы: не зная хорошей поры, вы удивляетесь, что мы, старики, находимъ нынѣшнія времена плохими. Прежде вино стоило въ десять разъ дороже теперешняго;. Спроси-ка у твоего отца, который, хотя и менѣе старъ, чѣмъ я, а все же зналъ золотое времячко. Деньги обращались въ ту пору въ Хересѣ все одно, что воздухъ. Рабочіе въ виноградникахъ получали отъ тридцати до сорока реаловъ въ день, и позволяли себѣ иногда фантазію проѣхаться въ коляскѣ и въ лакированныхъ башмакахъ. Не было тогда никакихъ газетъ, не было никакого зубоскальства, никакихъ митинговъ; гдѣ собиралась людская толпа, тамъ слышались звуки гитаръ, пѣлись пѣсни, шла пляска, такъ что любо было смотрѣть и слушать. Еслибъ тогда явился Фернандо Сальватьерра – этотъ другъ твоего отца – со всѣми своими розказнями о бѣдныхъ и богатыхъ, о раздѣлѣ земли и революціяхъ, ему бы подали стаканъ вина и сказали бы: «Садитесь къ намъ въ кружокъ, товарищъ, пейте, пойте, танцуйте съ дѣвушками, если вамъ вздумается и не печальтесь о нашемъ житьѣ-бытьѣ – оно не изъ худшихъ». Но англичане почти совсѣмъ перестали пить наше вино – денегъ въ Хересѣ куда меньше, и онѣ, проклятыя, тавъ запрятаны, что никто ихъ не видитъ. Рабочіе въ виноградникахъ получаютъ всего десять реаловъ поденной платы, и ихъ лица теперь, что твой укусъ. Скажу одно – денегъ, побольше денегъ, какъ въ былыя времена, и окончатся всѣ эти стачки и проповѣди Сальватьерры и его сторонниковъ, и исчезнетъ всякая нужда, всякія непріятности и ужасы.

Какъ разъ въ ту минуту позвали сеньора Висенте по дѣлу и, уходя, онъ сказалъ Фермину:

– Оставь записку съ заказомъ въ камерѣ обскурѣ и смотри – не смѣй больше приносить мнѣ рецептовъ, точно я аптекарь.

Старикъ удалился, а Монтенегро вышелъ черезъ другую дверь, направляясь въ главный отдѣлъ фирмы, гдѣ хранились самыя отборныя, старыя вина. Онъ вздрогнулъ, услыхавъ здѣсь голосъ хозяина, звавшаго его.

Донъ-Пабло сопровождалъ нѣсколькихъ иностранцевъ, – друзей дона-Луиса Дюпона, своего двоюроднаго брата, тоже бывшаго тутъ съ ними. Иностранцы съ наслажденіемъ отвѣдывали золотистаго и ароматнаго вина, отъ котораго, казалось, приумножалась жизненная сила, чувства становились интенсивнѣе и загоралась кровь.

– Здравствуй, – сказалъ младшій Дюпонъ, увидавъ Монтенегро. – Что подѣлываетъ твоя семья? На этихъ дняхъ побываю у васъ въ виноградникѣ. Мнѣ надо объѣздить новую лошадь.

Пожавъ руку Монтенегро и нѣсколько разъ хлопнувъ его по плечу, онъ отвернулся отъ него.

Фермянь дружилъ съ донъ-Луисомъ. Они были съ нимъ на ты, выросли вмѣстѣ въ виноградникѣ въ Марчамалѣ. Отношенія же Фермина къ донъ-Пабло были другія, хотя разница въ

годахъ между ними была небольшая – всего лишь лѣтъ на шесть. Но онъ былъ глава семьи Дюпоновъ, былъ директоромъ торговой фирмы, и смотрѣлъ на свою власть по старинному, какъ на власть неоспоримую, абсолютную, требуя непрекословнаго подчиненія своей волѣ.

– Оставайся, – кратко приказалъ онъ Монтенегро, – мнѣ надо поговорить съ тобой.

И онъ повернулся къ нему спиной, продолжал съ иностранцами разговоръ о своихъ винныхъ сокровищахъ.

Ферминъ, вынужденный слѣдовать за ними молча, какъ лакей, въ ихъ медленномъ шествіи посреди бочекъ, устремилъ взглядъ на дон-Пабло.

Онъ былъ еще молодъ, ему еще не было сорока лѣтъ, но чрезмѣрная полнота безобразила его, несмотря на то, что онъ велъ дѣятельный образъ жизни и былъ большой любитель верховой ѣзды. По характеру онъ былъ скорѣе добръ и миролюбивъ. Однако ему стоило лишь вообразить себѣ, что его не слушаются, или возражаютъ ему, чтобъ лицо его вспыхнуло огнемъ и голосъ зазвенѣлъ гнѣвомъ.

Ферминъ боялся его, но не циталъ къ нему ненависти. Онъ видѣлъ въ немъ больного, «дегенерата», способнаго на всякія сумасбродства изъ-за религіозной экзальтаціи. По мнѣнію Дюпона, хозяинъ былъ поставленъ «милостію Божіею», какъ въ прежнія времена короли. По природѣ онъ не былъ скупъ, напротивъ, онъ даже выказывалъ себя щедрымъ въ раздачѣ вознагражденія служащимъ, хотя щедрость его отличалась случайностью и руководствовалась капризомъ, а не дѣйствительной заслугой. Случалось, что онъ, встрѣчая на улицахъ кого-нибудь изъ своихъ рабочихъ, которымъ уже было отказано, приходилъ въ негодованіе, отчего тотъ ему не кланяется. «Слушай, – говорилъ онъ властнымъ голосомъ, – хотя ты уже не на службѣ у меня, но твой долгъ кланяться мнѣ, потому что я былъ твоимъ господиномъ».

И этотъ самый донъ-Пабло, который, благодаря промышленной силѣ, накопленной его предшественникамъ и запальчивости своего характера, былъ кошмаромъ тысячи людей – выказывалъ необычайное смиреніе и кротость, доходившія иногда до раболѣпства – передъ патерами или монахами различныхъ орденовъ, посѣщавшихъ его въ его конторѣ.

Ханжество донъ-Пабло вызывало смѣхъ всего города, но многіе смѣялись съ нѣкоторой маской, такъ какъ они, болѣе или менѣе, зависѣли отъ могущественной торговой фирмы, нуждались въ ея поддержкѣ и боялись гнѣва донъ-Пабло.

Монтенегро вспомнилъ всеобщее изумленіе годъ тому назадъ, когда собака изъ числа тѣхъ, которыя сторожили по ночамъ виноторговлю, укусила нѣсколькихъ рабочихъ. Дюпонъ, опасаясь, чтобы у укушенныхъ не открылось бѣшенство и желая избѣжать этого, тотчасъ же заставилъ ихъ проглотить въ видѣ пилюль раскрашенную гравюру чудотворнаго святого, хранившуюся у его матери. Правда, вслѣдъ затѣмъ тотъ же самый донъ-Пабло щедро оплатилъ больнымъ ихъ путешествіе къ знаменитому доктору. Когда заходила рѣчь объ этомъ случаѣ, донъ-Пабло объяснялъ свой поступокъ съ изумительной простотой: «На первомъ мѣстѣ – вѣра, а послѣ нея – наука, вкоторая иногда творитъ великія вещи, но потому только, что это дозволяетъ Богъ».

Оставивъ донъ-Луиса съ иностранными гостями и предоставивъ ему показывать имъ остальные отдѣлы виноторговли, донъ-Пабло, у котораго было дѣло въ конторѣ, повернулъ туда, сдѣлавъ жестъ Фермиву слѣдовать за нимъ.

– Вчера я не видѣлъ тебя, – сказалъ ему Дюпонъ, весь вспыхнувъ и нахмурилъ брови.

– Я не могъ, донъ-Пабло... меня задержали... друзья...

– Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Знаешь ли, до чего прекрасно было вчерашнее богослуженіе? Ты былъ бы умиленъ имъ.

И съ внезапнымъ воодушевленіемъ, забывъ свою досаду, онъ сталъ описывать Фермину торжественную обѣдню, за которой причащалась вся семья Дюпоновъ и всѣ ихъ служащіе при сладостныхъ звукахъ органа.

– Какъ хорошо становится на душѣ послѣ такого свѣтлаго торжества, – добавилъ онъ съ восторгомъ. – Вчера былъ одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни. Можетъ ли быть что-либо прекраснѣе? Возвращеніе къ добрымъ старымъ временамъ и въ простотѣ нравовъ – господинъ, подходящий къ таинству Св. причастія вмѣстѣ со всей своей семьей и со всѣми своими служащими!

Но переходя отъ восторженнаго состоянія къ гнѣву, онъ, покраснѣвъ отъ негодованія, воскликнулъ:

– А ты не пришелъ!.. Отчего?... Не отвѣчай, не лги. Предупреждаю тебя, что мнѣ все извѣстно. Не довольствуясь тѣмъ, что ты бѣжалъ отъ храма Господня, ты провелъ этотъ день съ Сальватьерра, только что выпущеннымъ изъ тюрьмы, гдѣ ему слѣдовало оставаться до конца жизни.

Монтенегро вознегодовалъ, услышавъ презрительный тонъ, которымъ донъ-Пабло говорилъ о его учителѣ. Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

– Донъ-Фернандо Сальватьерра былъ моимъ учителемъ, и я ему многимъ обязанъ. При томъ же, онъ лучший другъ моего отца, и я былъ бы бездушнымъ и неблагодарнымъ, еслибъ не пошелъ повидаться съ нимъ послѣ освобожденія его изъ тюрьмы.

– Твой отецъ! – воскликнулъ донъ-Пабло. – Наивнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, который никогда не научится жить такъ, какъ слѣдуетъ!.. Я бы спросилъ его, что-же онъ извлекъ для себя изъ своихъ скитаній по горамъ и по улицамъ Кадикса, стрѣляя изъ ружья ради своей федеративной республики и своего донъ-Фернандо? Еслибъ мой отецъ не сумѣлъ оцѣнить его за его искренность и честность, онъ навѣрное умеръ бы съ голода, а ты, вмѣсто того чтобы быть сеньоромъ, копалъ бы землю въ виноградникахъ.

– Но и, вашъ отецъ, донъ-Пабло, – сказалъ Ферминъ, – тоже былъ другомъ донъ-Фернандо Сальватьерра, и не разъ обращался къ нему, прося у него защиты во времена военного переворота и федеративной республики.

– Мой отецъ!.. – возразилъ Дюпонъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ. – И онъ былъ сыномъ смутной эпохи и недостаточно твердъ въ томъ, что наиболѣе важно для человѣка: въ религіи... Къ тому же, Ферминъ, времена перемѣнились – тогдашніе республиканцы, хотя и заблуждались, но это были люди прекраснѣйшей души. Я зналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые, хотя ненавидѣли королей, но уважали служителей Божьихъ. Ты думаешь, Ферминъ, что меня пугаетъ республика? Я больше республиканецъ, чѣмъ ты; я человѣкъ современный.

И онъ ударялъ себя въ грудь, говорилъ о своихъ убѣжденіяхъ. Никакой симпатіи не чувствуетъ онъ къ теперешнему правительству; къ слову сказалъ, всѣ они воры, а что касается религіи, то и лицемѣры, притворяющіеся, что они поддерживаютъ католицизмъ, потому что считаютъ его силой.

– Повторяю тебѣ, Ферминъ, что я болѣе республиканецъ, чѣмъ ты, но всѣмъ вамъ теперешнимъ дѣятелямъ и теперешней молодежи, уже кажется, что мало быть республиканцемъ, и вы толкуете о равенствѣ, о раздѣлѣ земли и всего имущества и говорите, что религія есть старая сказка.

Дюпонъ широко открылъ глаза, чтобы выразить отвращеніе, которое ему внушали новые революціонеры.

– Ты не думай, Ферминъ, что я изъ числа тѣхъ, которые пугаются социализма Сальватьерра и его друзей. Вѣдь ты знаешь, что денежный вопросъ для меня не суть важная вещь. Попросятъ ли рабочіе нѣсколько лишнихъ грошей поденной платы, или нѣсколько лишнихъ минутъ отдыха, чтобы докурить сигару, – если я могу, я все имъ дамъ, такъ какъ въ деньгахъ, благодаря Богу, у меня нѣтъ недостатка, Я не изъ тѣхъ хозяевъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы больше выжать сока изъ своихъ рабочихъ. Но мнѣ ненавистны эти благоглупости о всеобщемъ равенствѣ и главнымъ образомъ манія безбожія. Съ тобой, Ферминъ, я не

хочу ссориться, но смотри, в будущее воскресенье непременно приходи в церковь, и брось Сальватьерра и всю его компанию, если не хочешь кончить плохо.

Дюпонъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Монтенегро сѣлъ за свою конторку. Черезъ чаеъ директоръ позвалъ его. Фирмѣ нужно было выяснитъ счетъ съ другой фирмой. Это было довольно запутанное дѣло, которое нельзя было уладитъ по телефону, поэтому Дюпонъ послалъ Монтенегро въ качествѣ довѣреннаго лица.

Надѣвъ шляпу и накинувъ плащъ, Ферминъ вышелъ, нимало не спѣша, димѣя передъ собой весь тотъ день для выполненія своего порученія. На улицѣ ноябрьское солнце, теплое и радостное, словно въ весеннюю пору, проливалъ золотой дождь своихъ лучей на бѣлые дома и зеленые балконы.

Монтенегро увидѣлъ ѣдущаго ему навстрѣчу статнаго всадника. Это былъ смуглый юноша, въ нарядѣ контрабандиста или тѣхъ рыцарей – атамановъ-разбойниковъ, которые существуютъ лишь въ народныхъ былинахъ.

– Оле! Верховой! – крикнулъ Ферминъ, узнавъ его. – Здравствуй, Рафаэлильо.

И всадникъ осадилъ мигомъ лошадь, которая чуть не коснулась крупомъ своимъ земли, въ то же время приподнявъ переднія ноги.

– Славное животное, – сказала Монтенегро, хлопнувъ по шеѣ коня нѣсколько разъ.

Несмотря на сидячій образъ жизни въ должности конторщика, Монтенегро приходилъ въ восторгъ при видѣ кровнаго рысака. Изъ всѣхъ богатствъ донъ-Пабло онъ завидовалъ лишь той дюжиинѣ коней, самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ во всемъ городѣ, которые Дюпонъ держалъ у себя на конюшнѣ. А также и донъ-Пабло, казалось, забывалъ разомъ и пламенную свою религіозность и свой коньякъ, лишь только онъ видѣлъ какого-нибудь прекраснаго рысака, и радостно улыбался, когда его восхваляли, какъ перваго ѣздока во всей округѣ.

Рафаэль былъ управляющимъ фермы Матансуэла, наиболѣе цѣннаго имѣнія, еще оставшагося у Луи Дюпона, двоюроднаго брата донъ-Пабло, величайшаго жуира и расточителя.

Наклонившись надъ шеей коня, Рафаэль рассказывалъ Фермину о своей поѣздкѣ въ городъ.

– Мнѣ надо было сдѣлать нѣкоторыя покупки, и я очень тороплюсь. Но на возвратномъ пути непременно заверну въ виноградникъ въ твоему отцу. Мнѣ точно недостаѣтъ чего-то, если я не увидаю моего крестнаго.

Ферминъ лукаво улыбнулся.

– А сестру мою? Тебѣ тоже, быть можетъ, чего-то недостаѣтъ, если пройдетъ нѣсколько дней и ты ее не увидишь?

– Конечно, – отвѣтилъ юноша, весь покраснѣвъ.

И словно мгновенно охваченный чувствомъ стыда, онъ пришпорилъ своего кодя.

– Прощай, Ферминильо, соберись когда-нибудь ко мнѣ.

Монтенегро посмотрѣлъ ему вслѣдъ, когда онъ быстро удалился по направленію къ предмѣстью, и повернулъ затѣмъ на улицу Ларга, самую широкую и главную улицу въ городѣ, засаженную двумя рядами дикихъ апельсиновыхъ деревьевъ. По обѣимъ сторонамъ улицы высились дома ослѣпительной бѣлизны съ зелеными балконами, на которыхъ то тутъ, то тамъ появлялись смуглыя женщины съ лучистыми черными глазами и цвѣтами въ волосахъ. Лучшія казино и лучшія кофейни съ ихъ громадными окнами выходили на эту улицу. Монтенегро устремилъ взглядъ на «Círculo Caballista», нѣчто вродѣ дворянскаго клуба. Это былъ центръ, въ которомъ собирались богатые люди и «золотая молодежь». По вечерамъ тутъ шли оживленныя пренія о лошадяхъ, охотничьихъ собакахъ и женщинахъ. Другихъ сюжетовъ разговора здѣсь не существовало. На столахъ лежало очень мало газетъ, а въ самомъ темномъ углу зала стоялъ шкапъ съ книгами въ роскошныхъ переплетахъ, но стеклянныя его двери никогда не открывались.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого клуба Монтенегро увидѣлъ идущую ему навстрѣчу женщину, которая быстрой своею походкой, своимъ заносчивымъ и вызывающимъ видомъ и

сильнымъ покачиваніемъ бедеръ привлекала на себя общее вниманіе. Мужчины останавливались, чтобы посмотрѣть на нее, и долго слѣдили за ней глазами, женщины же отворачивались отъ нея съ притворнымъ презрѣніемъ и, проходя мимо нея, шептались, указывая на нее пальцемъ.

Ферминъ улынулся, замѣтивъ любопытство и смятеніе, вызванныя появленіемъ молодой женщины. Изъ-подъ кружевъ надѣтой ею на голову мантильи выбивались русые волосы, а черные, жгучіе глаза ея смотрѣли вызывающе. Смѣлость, съ которой она высоко приподымала юбку, тѣсно обрисовывающую всѣ очертанія ея тѣла и показывала ноги чуть ли не до колѣнъ, раздражала женщинъ.

– Здравствуйте, прелестная маркезита, – сказалъ Ферминъ, переступивъ ей дорогу.

– Не маркиза я, нѣтъ, – отвѣтила она съ улыбкой. – Теперь я занимаюсь разводомъ свиней.

Они говорили другъ другу «ты», какъ добрые товарищи.

– Какъ ты хорошо выглядишь... Слушай, непременно заходи ко мнѣ, ты знаешь, что я къ тебѣ очень расположена, конечно, такъ, по-хорошему, какъ къ брату. А этотъ глупый мужъ мой, который ревновалъ тебя ко мнѣ!.. Придешь?..

– Подумаю объ этомъ... Я вовсе не желаю впутаться въ непріятности съ торговцемъ свиней.

Молодая женщина разразилась смѣхомъ.

– Онъ настоящій рыцарь, Ферминъ, знаешь ли ты это? Въ своемъ горномъ зипунѣ онъ стоитъ больше, чѣмъ всѣ эти сеньоры изъ «Círculo Caballista». Мнѣ по душѣ все народное... по природѣ я настоящая гитана...

И слегка и ласково хлопнувъ молодого человѣка маленькою ручкой, она продолжала путь свой, оборачивадсь нѣсколько разъ, чтобы улыбнуться Фермину, который слѣдовалъ за ней глазами.

«Бѣдняга, – подумалъ онъ про себя. – Несмотря на ея легкомысліе она все же лучшая изъ семьи... Донъ-Пабло такъ тщеславится знатностью происхожденія своей матери.

Монтенегро зашагалъ дальше, провожаемый удивленными взглядами и ехидными улыбками тѣхъ, которые слышали его разговоръ съ «Маркезитой».

На площади Нуэва онъ прошелъ мимо обычной въ тѣхъ мѣстахъ толпы перекупщиковъ вина и скота, продавцевъ зелени и овощей, и рабочихъ и поденщиковъ, ожидающихъ здѣсь, со скрещенными на груди руками, чтобы кто-нибудь нанялъ ихъ.

Изъ толпы отдѣлдся человѣкъ, позвавшій Монтенегро:

– Донъ-Ферминъ, донъ-Ферминъ...

Это былъ рабочій изъ виноторговли Дюпона.

– Вы знаете, я ушелъ. Мнѣ отказали сегодня утромъ. Когда я явился на работу, надзиратель сказалъ мнѣ отъ имени донъ-Пабло, что я не нуженъ. И это послѣ четырехъ лѣтъ усердной работы и хорошаго поведенія! Справедливо ли это, донъ-Ферминъ?

Такъ какъ Ферминъ спрашивалъ его взглядомъ о причинѣ отказа ему, рабочій отвѣтилъ съ возбужденнымъ видомъ:

– Всему виной проклятое ханжесство! Знаете ли, въ чемъ состояло мое преступленіе?... Я не отдалъ бумажку, полученную мною въ субботу, при уплатѣ заработанныхъ денегъ.

И какъ будто Монтенегро не зналъ обычаевъ, бывшихъ въ ходу въ торговой фирмѣ Дюпона, добрый человѣкъ подробно изложилъ Фермину все случившееся съ нимъ. Въ субботу, когда имъ выдавали заработанные деньги, надзиратель раздавалъ всѣмъ по бумаженкѣ: это было приглашеніе явиться на слѣдующій день, въ воскресенье, къ обѣднѣ, на которой присутствовалъ Дюпонъ со всей своей семьей. При входѣ въ церковь у каждаго рабочаго отбиралась его бумаженка, – а она была именной. Такимъ образомъ узнавали, кто изъ нихъ былъ и кто не былъ у обѣдни.

– А я не пошелъ вчера къ обѣднѣ, донъ-Ферминъ, потому что у мея нѣтъ охоты подыматься ни свѣтъ ни заря въ воскресенье утромъ послѣ того, какъ въ субботу вечеромъ я съ товарищами поразвлекся и попироваль. Если работаешь столько дней въ недѣлѣ, можно же когда-нибудь и повеселиться, не такъ ли?

Къ тому же онъ воленъ располагать воскресеньемъ по своему усмотрѣнію. Хозяинъ платитъ ему за его работу, онъ работаетъ на него, но никто не имѣетъ права посягать на принадлежащій ему день отдыха.

– Справедливо ли это, донъ-Ферминъ? Оттого что я не разыгрываю комедій, какъ всѣ эти... доносчики и ябедники, которые бѣгутъ къ обѣднѣ, заказанной дономъ-Пабло и его семьей, меня вышвыриваютъ на улицу... Признайтесь откровенно и по правдѣ: работаешь какъ волъ, а на тебя плюютъ, не такъ ли, кабальеросы?

И онъ обратился съ этимъ вопросомъ въ толпѣ «своихъ друзей», рабочихъ, слушавшихъ его на нѣкоторомъ разстояніи и осыпавшихъ проклятіями Дюпона.

Ферминъ зашагалъ съ нѣкоторою поспѣшностью. Инстинктъ самоохраненія подсказываль ему, что для него опасно оставаться дольше среди людей, ненавидѣвшихъ еро принципала.

И пока онъ направлялся въ контору, гдѣ его ждали съ отчетомъ, онъ думаль о вспылчивомъ характерѣ Дюпона и о ханжествѣ, ожесточавшемъ ему сердце.

«А въ сущности вѣдь онъ не дурной человѣкъ», сказалъ онъ про себя.

Да, не дурной... Ферминъ вспомнилъ капризную и порывистую щедрость, съ которою онъ по временамъ помогаль людямъ, впавшимъ въ нужду. Но взамѣнъ денегъ онъ требоваль полного подчиненія своей волѣ и своимъ желаніямъ, а его религіозность или, вѣрнѣе, ханжество его коренилось въ безконечной благодарности, которую онъ чувствовалъ къ Провидѣнію за то, что оно посылало успѣхъ дѣламъ торговой фирмы и служило опорой общественнаго строя.

II

Когда донь-Пабло Дюпонъ со своимъ семействомъ ѣздилъ на денекъ въ знаменитый свой виноградникъ въ Марчамаль, одно изъ развлеченій его въ деревнѣ состояло въ томъ, что онъ заставлялъ сеньора Фермина, стараго приказчика, появляться передъ монахами іезуитскаго или доминиканскаго ордена, безъ присутствія крторыхъ не обходилась ни одна изъ его поѣздокъ.

– Слушайте, сеньоръ Ферминъ, – говорилъ онъ, призвавъ старика на большую площадь передъ домами Марчамалы, составлявшими чуть ли не цѣлый городокъ, – крикните что-нибудь рабочимъ, но повелительнымъ тономъ, какъ въ то время, когда вы были въ числѣ «красныхъ» и участвовали въ партизанской войнѣ въ горахъ.

Приказчикъ улыбался, видя, что его хозяину и его друзьямъ въ рясахъ и капюпгонахъ доставляло удовольствіе слушать его, но въ этой улыбкѣ крестьянина себѣ на умѣ нельзя было разобратъся, кроется ли въ ней насмѣшка или какое-либо другое чувство? Довольный тѣмъ, что онъ можетъ доставить нѣсколько минутъ отдыха рабочимъ, которые, нагибая спину посреди виноградныхъ лозъ, поднимали и опускали свои тяжелыя мотыки, старикъ съ комичной суровостью подходилъ къ краю площади, и раздражался продолжительнымъ и оглушительнымъ возгласомъ:

– За-а-а-курива-а-ай!

Блестящія мотыки переставали сверкать среди виноградныхъ лозъ, и длинный рядъ виноградарей съ обнаженной грудью принимались тереть себѣ руки, онѣмѣвшія отъ рукояти мотыки, и затѣмъ медленно вытаскивали изъ кисетовъ всѣ приспособленія для куренія.

Старикъ дѣлалъ то же, что и они, и съ загадочной улыбкой принималъ похвалы сеньоровъ громовому его голосу и интонаціи полководца, съ которой онъ отдавалъ приказанія своимъ людямъ. Онъ свертывалъ сигару и медленно курилъ ее, чтобы бѣдные рабочіе воспользовались нѣсколькими лишними минутами отдыха, благодаря хорошему настроенію духа хозяина.

Когда онъ докуривалъ сигару, для сеньоровъ наставалъ новый моментъ развлеченія, старикъ опять начиналъ шагать съ дѣланной суровостью, и, отъ звука его голоса дрожало эхо сосѣднихъ холмовъ:

– За-а-ра-а-боту-у!..

Старый сеньоръ Ферминъ былъ одной изъ достопримѣчательностей Марчамалы, которую донь-Пабло показывалъ своимъ гостямъ. Всѣхъ смѣшили его поговорки, его удивительныя, совершенно народныя выраженія и образы рѣчи, и совѣты, преподаваемые имъ напыщеннымъ тономъ. А старикъ принималъ ироническія похвалы сеньоровъ съ простосердечіемъ андалузскаго крестьянина, который еще и по настоящее время живетъ точно въ эпоху феодальнаго строя, безъ той суровой независимости мелкаго крестьянина, считающаго землю своей собственностью. Къ тому же сеньоръ Ферминъ чувствовалъ себя на всю свою жизнь связаннымъ съ семьей Дюпоновъ. Онъ видѣлъ донь-Пабло еще въ пеленкахъ, и хотя, въ обращеніи съ нимъ, и проявлялъ всѣ тѣ признаки, которыхъ требовалъ отъ всѣхъ властный хозяинъ, для старика донь-Пабло продолжалъ оставаться какъ бы ребенкомъ и онъ относился къ его раздраженію и всѣмъ его вспышкамъ съ величайшимъ добродушіемъ.

Въ жизни приказчика былъ тяжелый періодъ нужды. Въ молодости онъ работалъ въ виноградникахъ въ ту хорошую пору, о которой съ такой грустью вспоминалъ старый техникъ фирмы Дюпонъ, въ ту пору когда рабочіе ѣздили иногда въ коляскахъ и надѣвали лакированныя башмаки.

Живя въ довольствѣ, рабочіе тогдашняго времени имѣли возможность думать о высокыхъ матеріяхъ, которыхъ они не могли хорошенько еще опредѣлить, но величіе которыхъ они смутно предчувствовали. Къ тому же все государство было въ великомъ переломѣ. Вблизи

города Хереса, въ морскомъ порту, съ котораго вѣтерокъ доносился до виноградниковъ, правительственныя суда стрѣляли изъ пушекъ, чтобы возвѣстить королевѣ, что она должна сойти съ своего престола. Ружейная пальба въ Алколеѣ, въ противоположномъ концѣ Андалузїи, разбудила всю Испанїю, «лицемѣрная династія Бурбоновъ» бѣжала, жизнь шла лучше и вино казалось вкуснѣе при мысли (утѣшительная иллюзія!), что всякій владѣть маленькой частицей той власти, которая до того задерживалась руками одного лица. Къ тому же, какое убаюкивающее пѣніе стало раздаваться для бѣдняковъ, сколько похвалъ и лести расточалось народу, который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ ничто, а теперь сталъ всѣмъ!

Сеньоръ Ферминъ волновался, вспоминая эти счастливыя времена. Онъ въ ту пору какъ разъ еще и женился на «бѣдной мученицѣ», какъ онъ называлъ покойную свою жену. Всѣ товарищи по профессїи собирались въ трактирахъ каждый вечеръ, чтобы читать газеты, и стаканы съ виномъ ходили по рукамъ въ томъ изобилїи, которое позволялось хорошо оплачиваемой поденной платой. Неутомимо леталъ съ мѣста на мѣсто соловей, принявъ за рощи города, и дивное его пѣніе сводило съ ума людей, заставляя ихъ громко, во весь голосъ требовать республику... но непременно федеративную или никакую. Рѣчи Кастеляра читались иа вечернихъ собранїяхъ; проклятїя, посылаемыя имъ прошлому, и его гимны домашнему очагу, матерямъ, и всему тому, что волнуешь дѣтскую душу народа, заставляли ронять не одну слезу въ стаканы съ виномъ. Сверхъ того, черезъ каждые четыре дня получались въ городѣ брошюрки гражданина Роке Барсыя, адресованныя друзьямъ, съ частыми возгласами: «Слушай меня хорошо, народъ», «подойди, бѣдняга, и я измѣрю твой голодь и холодъ». – Все это умиляло виноградарей и пробуждало въ нихъ величайшее довѣріе къ сеньору, который обращался къ нимъ съ такой братской простотой.

Особенно льстило сеньору Фермину въ пору юношескихъ его восторговъ общественное положенїе тогдашнихъ революціонныхъ вождей. Никто изъ нихъ не былъ рабочимъ или поденщикомъ, а это, какъ ему казалось, еще болѣе подчеркивало цѣнность новыхъ воззрѣній. Самые прославленные защитники «идеи» въ Андалузїи вышли изъ того сословія, которое онъ, по атавистическому чувству – все еще продолжалъ уважать. Это были сеньоры изъ Кадикса, привыкшіе къ легкой и веселой жизни большого города, кабальеросы изъ Хереса, – люди знатные, владѣвшїе помѣстьями, прекрасно умѣвшїе обращаться съ оружіемъ. И даже аббаты принимали участїе въ движенїи и утверждали, что Христось былъ первымъ республиканцемъ и будто бы, умирая на крестѣ, сказалъ нѣчто вродѣ «свобода, равенство и братство».

И сеньоръ Ферминъ нимало не колебался, когда, послѣ митинговъ и громогласныхъ чтенїй газетъ, ему пришлось отправиться въ экспедицію въ горы, съ ружьемъ въ рукахъ, для защиты Республики, которую не желали признать генералы, только что изгнанныя изъ Испанїи королевскїй домъ. Долгое время пришлось ему, скитаться по горамъ и не разъ вступать въ перестрѣлку съ тѣми самыми войсками, которыхъ онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, встрѣтилъ рукоплесканїями, когда они, взбунтовавшись, проходили черезъ Хересь, по дорогѣ въ Альколею.

Въ эту пору онъ познакомился съ Сальватьерра, и воспылалъ къ нему такимъ чувствомъ восхищенїя, которое не охладѣло и вполнѣдствїи. Бѣгство и долгіе мѣсяцы, проведенные въ Танжерѣ, были единственнымъ итогомъ его революціоннаго энтузіазма, и когда онъ могъ, наконецъ, вернуться на родину, онъ здѣсь увидѣлъ евоего первенца-сына, рожденнаго ему бѣдной мученицей во время его экспедиціи въ горахъ.

Снова принялся онъ работать въ виноградникахъ, нѣсколько разочарованный дурнымъ исходомъ мятежа. Къ тому же, ставъ отцомъ, онъ сдѣлался эгоистичнѣе и думалъ больше о своей семьѣ, чѣмъ о державномъ народѣ, который могъ добиться свободы и безъ его поддержки. Услыхавъ, что республика все-таки провозглашена, онъ почувствовалъ, что энтузіазмъ его снова возрождается. Наконецъ-то въ странѣ республика! Теперь начнется хорошее житье! Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Хересь вернулся Сальватьерра... По его словамъ дѣятели

въ Мадридѣ оказались измѣнниками, и республика вышла каррикатурной. И снова пришлось Фермину съ ружьемъ въ рукахъ драться въ Севильѣ, въ Кадиксѣ и въ горахъ изъ-за вещей, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, но которыя должны былъ быть ясны какъ день, если Сальватьерра ихъ провозглашалъ. Это второе его приключеніе досталось ему не такъ дешево, какъ первое. Его арестовали и онъ провелъ долгое время въ Сеутѣ вмѣстѣ съ плѣнными карлистами и мятежными Кубинцами.

Когда онъ получилъ свободу и вернулся въ Хересъ, жизнь здѣсь показалась ему болѣе печальной и тяжелой, чѣмъ въ тюрьмѣ. «Бѣдная мученица» умерла въ его отсутствіе, а двое ея дѣтей, Ферминильо и Марія де-Лусъ, – были взяты на попеченіе родственниками Фермина. Работу было трудно достать, она оплачивалась плохо, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія предложенія; а негодованіе противъ «петролеровъ», смутившихъ страну, было очень сильно. Бурбоны только что вернулись въ Испанію, и богатые помѣщики боялись нанимать мѣстныхъ рабочихъ, которые незадолго передъ тѣмъ угрожали имъ съ ружьемъ въ рукахъ, и обращались съ ними, какъ съ равными.

Сеньоръ Ферминъ, не желая явиться съ пустыми руками къ бѣднымъ родственникамъ, которые пріютили у себя его малютокъ, – занялся контрабандой. Кумъ и товарищъ его въ партизанской войнѣ Пако де-Альгаръ не были новичкомъ въ этомъ дѣлѣ. Были они кумовья потому, что Ферминъ былъ крестнымъ отцомъ Рафаэлильо, единственнаго сына сеньора Пако, у котораго, тоже какъ у Фермина, умерла жена во время его заключенія въ тюрьмѣ.

Кумовья занимались вмѣстѣ своими тягостными экспедиціями бѣдныхъ контрабандистовъ. Съ границы Гибралтара и до Хереса они подвергались массѣ опасностей, не разъ мимо ушей ихъ евистали пули таможенной стражи, у нихъ отнимали ихъ контрабанду – табакъ, ихъ избивали палками. А когда бѣднякамъ удавалось какъ-нибудь пронести малую толику табака, господа въ казино и кофейняхъ еще выторговывали у нихъ нѣсколько грошей. Неудача преслѣдовала ихъ неотступно. Три раза къ ряду у нихъ отняли всю ихъ ношу табаку, и теперь они оказались даже бѣднѣе, чѣмъ тогда, когда они въ первый разъ принялись за контрабанду. У нихъ были долги, казавшіеся имъ громадными, и мало уже кто соглашался даять имъ хоть грошъ для продолженія ихъ «дѣла».

Взявъ за руку Рафаэлильо, кумъ отправился съ нимъ въ себѣ на родину въ Альгаръ, чтобы пріискать тамъ поденную работу. А сеньоръ Ферминъ ежедневно выходилъ въ Хересъ на площадь Нуэва, поджидая, не найметъ ли его кто-нибудь. Вотъ тутъ-то и познакомился Ферминъ со своимъ «ангеломъ покровителемъ», какъ онъ его называлъ, съ человѣкомъ, котораго онъ послѣ Сальватьерра чтить больше всѣхъ, со старикомъ Дюпономъ. Этотъ послѣдній, увидавъ его однажды, вспомнилъ уваженіе, выказанное ему въ то время Ферминомъ, когда тотъ ходилъ по Хересу, гордый своей цвѣтной шапкой и оружіемъ, звенѣвшимъ при каждомъ его шагѣ, словно ржавое желѣзо.

У Дюпона это былъ капризь богача, пожелавшаго дать кусокъ хлѣба нищему. Фермина онъ взялъ къ себѣ въ Марчамалу поденщикомъ. Мало-по-малу Ферминъ пріобрѣлъ довѣріе своего хозяина, который внимательно слѣдилъ за его работой.

Когда старый бунтовщикъ сдѣлался, наконецъ, приказчикомъ и управляющъ виноградника, взгляды его уже сильно измѣнились. Онъ считалъ себя какъ бы участникомъ фирмы Дюпона, гордился богатствомъ и значеніемъ донъ-Пабло и начиналъ думать, что богатые не такіе уже дурные люди, какъ это думаютъ бѣдные. Онъ даже поступился нѣкоторою долей прежняго своего уваженія къ Сальватьерра, который въ это время скитался гдѣ-то, бѣжавъ изъ предѣловъ Испаніи. Ферминъ даже дерзнулъ признаться друзьямъ своимъ, что его дѣла идутъ не такъ-то ужъ плохо послѣ гибели политическихъ его иллюзій. Его дочь и невѣстка жили вмѣстѣ съ нимъ въ виноградникѣ, въ большомъ и просторномъ домѣ. Сынъ его посѣщалъ школу въ Хересѣ, и донъ-Пабло общалъ сдѣлать изъ него «человѣка», въ виду его хорошихъ способностей. Ферминъ получалъ ежедневно въ уплату три песета, только лишь за то, что онъ

вель счетъ поденщикакъ, нанималъ ихъ, и смотрѣлъ за ними, чтобы они не прерывали работу раньше того, какъ онъ имъ объявить отдыхъ и дать позволеніе выкурить сигару.

И сеньора Фермина и его дѣтей всегда ласково принималъ въ домѣ хозяевъ. Старикъ донъ-Пабло много смѣялся, когда по его просьбѣ Ферминъ рассказывалъ ему о своихъ приключеніяхъ въ горахъ то въ качествѣ герильерро, то въ качествѣ контрабандиста, вѣчно преслѣдуемаго карабинерами. Даже гордая донна Эльвира, сестра маркиза де-Санъ-Діонисіо, – всѣгда хмурая и всегда въ дурномъ настроеніи, точно она считала себя обиженной вслѣдствіе того, что она согласилась оединиться бракомъ съ какимъ-то Дюпономъ, все же относилась съ нѣкоторымъ довѣріемъ въ сеньору Фермину.

Приказчикъ былъ въ восторгѣ, когда видѣлъ дѣтей своихъ играющихъ съ дѣтьми хозяина. Къ этимъ послѣднимъ иногда приооединялись и Луизито, сынъ умершаго брата донъ-Пабло, назначившій его опекуномъ надъ ребенкомъ и надъ оставленнымъ ему большимъ состояніемъ, и дочки маркиза де-Санъ-Діонисіо, двѣ бойкія и нехорошія дѣвочки, которыя дрались съ мальчиками и ни въ чемъ не уступали имъ.

Иногда пріѣзжалъ въ Марчамалу и самъ маркизъ де-Санъ-Діонисіо, который несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ переворачивалъ здѣсь все вверхъ дномъ. Благочестивая донна Эльвира гордилась знатностью происхожденія своего брата, но относилась съ презрѣніемъ къ нему какъ къ человѣку за его неслыханные кутежи, которые пріобрѣли печальную извѣстность этому носителю имени одного изъ самыхъ древнихъ родовъ города Хереса. Онъ продалъ послѣдніе остатки своего громаднаго состоянія и повліялъ на сестру, чтобы она вышла замужъ за Дюпона, съ цѣлью имѣть пріютъ, когда настанетъ часъ полного его разоренія. Жилъ онъ въ древнемъ замкѣ, изъ котораго вся богатая мебелировка и драгоценныя подарки разныхъ испанскихъ королевъ, пожалованные его предкамъ, исчезали мало-по-малу послѣ ночей, проведенныхъ имъ за игорнымъ столомъ, гдѣ счастье обернулось къ нему спиной.

Овдовѣвъ очень рано, маркизъ держалъ при себѣ двухъ своихъ дочерей, которыя съ дѣтства наглядѣлись вволю на всякаго рода кутежи, приводившіе въ негодованіе сеньору Дюпонъ и прославившіе ея брата въ разныхъ кругахъ въ Хересѣ. Въ его домѣ дневали и ночевали цыгане и цыганки, тореадоры и всякая богема. Его играмъ, кутежамъ и всякимъ любовнымъ исторіямъ не было конца. Въ довершеніе всего онъ былъ еще и атлетъ, и лучшій наѣздникъ въ Хересѣ, и остроумный шутникъ. Сеньоръ Ферминъ удивлялся негодованію, съ которымъ сестра маркиза относилась въ его кутежамъ и разнымъ выходкамъ. Такому прекрасному человѣку, какъ думалъ Ферминъ, не надо было бы и умирать. Однако онъ умеръ. Умеръ онъ, когда уже былъ окончательно разоренъ и когда его шурина Дюпонъ наотрѣзъ отказался снова ссудить его деньгами, а предложилъ переѣхать къ нему въ домъ и пользоваться широко его гостепріимствомъ во всемъ, что ему окажется нужнымъ, за исключеніемъ денегъ.

Дочери его, тогда уже почти взрослыя, обращали на себя вниманіе своей красотой и свободнымъ обращеніемъ съ мужчинами. По смерти отца онѣ перешли жить къ благочестивой теткѣ своей, доннѣ Эльвирѣ. Присутствіе этихъ прелестныхъ чертенятъ вызвало массу непріятныхъ домашнихъ сценъ, омрачившихъ послѣдніе годы жизни донна-Пабло Дюпона. Его жена не могла выносить безстыднаго поведенія сводхъ племянницъ. Онѣ всполошили и разстроили спокойную жизнь въ домѣ, точно принесли съ собой какой-то привкусъ и отзвукъ распущенности маркиза. Благородная сеньора Эльвира съ негодованіемъ относилась ко всему тому, что нарушало торжественную стройность ея жизни и ея салона. Ей казалось, что даже и мужъ ея со своими привычками рабочаго, вовсе не подходитъ къ ней и къ ея обществу, и она чувствовала, что ее соединяетъ съ нимъ лишь только слабая связь какъ бы съ торговымъ компаньономъ. Всю свою любовь она сосредоточила на старшемъ сынѣ, который, какъ она говорила, весь пошелъ въ родъ Санъ-Діонисіо, и ни капли не походилъ на Дюпоновъ.

Съ гордостью думала она о милліонахъ, которые наслѣдуютъ ея дѣти, и въ то же время презирала тѣхъ, кто ихъ копилъ. Съ чувствомъ брезгливости вспоминала она о происхожденіи

громднаго состоянія Дюпоновъ, какъ по слухамъ передавали о немъ старожилы города. Первый изъ Дюпоновъ прибылъ въ Хересь въ началѣ вѣка совершеннымъ нищимъ и поступилъ здѣсь на службу къ своему соотечественнику-французу, у котораго была виноторговля. Во время войны за независимость хозяинъ Дюпона бѣжалъ изъ опасеній народныхъ неистовствъ, довѣривъ все свое состояніе своему соотечественнику и любимому слугѣ. А этотъ послѣдній, громко ругая Францію и восхваляя Фердинанда VII, достигъ того, что къ нему отнеслись хорошо и что дѣла виноторговли, которую онъ привыкъ считать своей, стали процвѣтать. Когда же по окончаніи войны вернулся въ Хересь настоящій владѣлецъ магазина, Дюпонъ отказался признать его, говоря себѣ самому, чтобы заглушить голосъ своей совѣсти, что онъ имѣетъ полное право присвоить себѣ виноторговлю, такъ какъ, не боясь опасности, стоя лицомъ къ лицу къ ней – онъ одинъ вель дѣла фирмы. Довѣрчивый французъ, больной и удрученный такимъ предательствомъ, исчезъ навсегда.

Высокородная донна Эльвира, ежемянуто выставлявшая на видъ знатность своего происхождения, чувствовала живую боль въ сердцѣ, когда вспомнила объ этой исторіи. Но она скоро уснокаивалась, подумавъ о томъ, что часть громднаго ихъ состоянія пожертвована ею церквамъ и благотворительности.

Смерть дон-Пабло была для нея какъ бы освобожденіемъ. Старшій ея сынъ только что женился и будетъ директоромъ фирмы. Въ душѣ этотъ ея сынъ – истый Санъ-Діонисіо, и такимъ образомъ, какъ ей казалось, изглаживается вполнѣ его въ нѣкоторомъ родѣ позорное происхожденіе отъ Дюпоновъ; а небо отнынѣ будетъ еще сильнѣе покровительствовать торговой фирмѣ. Изъ числа всѣхъ близкихъ и друзей старика донъ-Пабло сеньоръ Ферминъ искренне и больше всѣхъ оплакивалъ его смерть. Онъ не забылъ, что тотъ былъ его покровителемъ. Сколько добра онъ сдѣлалъ ему! Благодаря донъ-Пабло и сынъ Фермина сталъ кабальеро. Увидавъ понятливость и умъ мальчика, поступившаго въ контору въ качествѣ разсылнаго на побѣгушкахъ, донъ-Пабло протянулъ ему руку помощи. Мальчикъ учился у Сальватьерра. Послѣ своей эмиграціи въ Лондонъ, революціонеръ, вернувшійся въ Испанію съ жаждой солнца и деревенскаго спокойствія, отправился жить въ Марчамалу, въ домъ стараго своего друга. Пріѣзжая въ свой виноградникъ, милліонеръ встрѣчался здѣсь иногда съ революціонеромъ, гостившимъ безъ его разрѣшенія въ его имѣніи. Сеньоръ Ферминъ думалъ, что, когда дѣло идетъ о столь заслуженномъ человѣкѣ, совершенно излишне спрашивать позволенія хозяина. Съ своей стороны и Дюпонъ отиосился съ уваженіемъ къ честному и милому характеру агитатора, а также и эгоизмъ торговаго человѣка совѣтовалъ ему выказывать благо-расположеніе донъ-Фернандо.

Сеньоръ Ферминъ не зналъ, случилось ли это по оовѣту дон-Фернандо, или же по собственной его инициативѣ, но вѣрно лишь то, что хозяинъ рѣшилъ послать Ферминильо, который отлично преуспѣвалъ въ занятіяхъ, для изученія англійскаго языка за счетъ фирмы въ Лондонъ, здѣсь юноша и пробылъ долгое время въ отдѣленіи бodeги въ Коллинсъ-Стритъ.

Находясь въ Лондонѣ, Ферминильо въ письмахъ оттуда сообщалъ, что доволенъ своею жизнью. Но старикъ Ферминъ сильно скучалъ въ одиночествѣ. Его покровитель умеръ, Сальватьерра скитался гдѣ-то далеко, а кумъ Фермина, Пако, умеръ отъ простудной болѣзни. Сынъ его, Рафаэль, въ то время восемнадцатилѣтній юноша, прекрасный работникъ, явился въ виноградникъ, чтобы сообщить, извѣстіе о смерти отца крестному.

– Что же ты намѣренъ теперь дѣлать, паренекъ? – спросилъ старикъ крестшника.

Юноша улыбнулся, услышавъ, что сеньоръ Ферминъ ведетъ рѣчь о помѣщеніи его работникомъ въ какой-нибудь виноградникъ. Онъ не желаетъ обрабатывать землю. Онъ ее ненавидитъ. Ему нравятся лошади, ружья. Онъ можетъ объѣздить какого угодно коня, а стрѣляя попадетъ въ какую угодно цѣль – соперниковъ въ этомъ отношеніи у него нѣтъ. Онъ жаждетъ приключеній и потому займется контрабандой.

– Словомъ, крестный, съ такими данными, какія имѣются у меня, нельзя умереть съ голоду.

И Рафаэль не умеръ съ голоду. Старикъ Ферминъ восхищался имъ, когда тотъ приѣзжалъ въ Марчамалу, верхомъ на сильномъ, рыжемъ конѣ, одѣтый точно богатый сельскій помѣщикъ, и всегда съ ружьемъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Старый контрабандистъ былъ наверху блаженства, слушая рассказы о подвигахъ Рафаэля.

Рафаэль занимался не только ввозомъ табака, но и контрабандой шелковой матеріи и роскошныхъ китайскихъ шарфовъ и платковъ. Передъ умленнымъ крестнымъ и его дочерью Маріей, устремлявшей на него свои огненные глаза, юноша вынималъ пригоршнями изъ кармановъ золотыя монеты, словно это были мѣдные пятаки, и кончалъ тѣмъ, что вытаскивалъ изъ своихъ сумокъ какой-нибудь необычайно изящный шарфъ, или же кружева, и дарилъ ихъ дочери приказчика.

Двое молодыхъ людей обмѣнивались долгими и страстными взглядами, но разговаривая, чувствовали большую робость, какъ будто они не знали другъ друга съ дѣтства и не играли вмѣстѣ, когда сеньоръ Пако по вечерамъ являлся въ виноградникъ, посѣщая стараго своего товарища.

Крестный лукаво улыбался, видя смущеніе двухъ молодыхъ людей.

– Кажется, вы какъ будто впервые видите другъ друга. Говори съ Маріей безъ всякаго стѣсненія, такъ какъ я знаю, что ты желаешь быть нѣчто большимъ для меня, чѣмъ моимъ крестникомъ... Жаль, что ты выбралъ себѣ такую профессию.

И старикъ совѣтовалъ ему откладывать деньги, разъ судьба ему благопріятствуетъ. Откладывать!.. Рафаэль смѣялся надъ этой мыслью. Ему хотѣлось широко жить и наслаждаться, и онъ кидалъ деньги во всѣ стороны въ попойкахъ и пиршествахъ. Когда же, среди бурной его жизни, у него мелькало сомнѣніе относительно будущаго, онъ видѣлъ, закрывъ глаза, граціозную улыбку Маріи де ла Лусъ, слышалъ ея голосъ, говорившій ему всегда одно и то же, когда онъ появлялся въ виноградникѣ:

– Рафаэль, мнѣ рассказываютъ о тебѣ многое, и все дурное. Но ты хорошій! Вѣдь правда, ты переѣмнишься?

И Рафаэль клялся самому себѣ, что онъ переѣмнится, чтобы Марія не глядѣла на него такими грустными глазами, когда она еще издали видѣла, какъ онъ ѣдетъ по пыльной дорогѣ.

Однажды ночью собаки въ Марчамалѣ страшно принялись лаять. Дѣло было близко къ разсвѣту, и старый приказчикъ, схвативъ ружье, открылъ окно. На площадкѣ виднѣлся державшійся за шею коня всадникъ, а конь тяжело дышалъ, и ноги его дрожали, точно онъ сейчасъ свалится.

– Откройте, крестный, – сказалъ всадникъ слабымъ голосомъ. – Это я, Рафаэль, я раненъ. Мнѣ кажется, что меня прострѣлили насквозь.

Сеньоръ Ферминъ довелъ его въ домъ, и Марія, выглянувъ изъза ситцеваго занавѣса своей комнаты, испустила громкій крикъ. Забывъ всякій стыдъ, дѣвушка выбѣжала въ одной рубашкѣ, чтобы помочь отцу, который уже терялъ силы, поддерживая юношу, блѣднаго какъ смерть. Одежда на немъ была пропитана запекшейся кровью, а свѣжая продолжала капать изъ-подъ его плаща на полъ. Рафаэль, свалившись на кровать, рассказалъ въ отрывочныхъ словахъ старику, какъ все случилось съ нимъ, и затѣмъ упалъ въ обморокъ.

Онъ повстрѣчался ночью въ горахъ съ таможенной стражей, и кого-то ранилъ, чтобы прорваться сквозь отрядъ, но также и ему была послана вслѣдъ пуля, засѣвшая у него въ плечѣ. Теперь онъ желаетъ скрыться, чтобы не быть арестованнымъ, а для этого нѣтъ лучшаго убѣжища, какъ Марчамала въ то время года, когда нѣтъ работъ и виноградари отсутствуютъ. Къ тому же, если ему судьба умереть, онъ желаетъ умереть среди тѣхъ, которые ему дороже всѣхъ на свѣтѣ. И говоря это, глаза его широко раскрылись, онъ старался высказать ими ласку дочери надсмотрщика.

– Рафае, Рафаэ, – всхлипывала Марія, наклоняясь надъ раненымъ.

И забывъ свойственную ей сдержанность и стыдливость, она едва не бросилась цѣловать его въ присутствіи отца.

Загнанная лошадь околѣла на слѣдующее же утро, а хозяинъ ея остался живъ, пролежавъ недѣлю между жизнью и смертью. Сеньоръ Ферминъ привезъ изъ Хереса доктора, большого пріятеля Сальватьерры, а Марія не отходила отъ постели Рафаэля. Наконецъ, опасность миновала, и рана стала быстро заживать.

По вечерамъ, когда Рафаэль уже всталъ съ постели, сеньоръ Ферминъ брадъ гитару и звалъ пѣть Марію, чтобы развеселить больного.

Дѣвушка пѣла, улыбаясь глазами Рафаэлю, который слушалъ ее въ экстазѣ, такъ какъ голосъ Маріи былъ дѣйствительно прелестный и слава о немъ прогремѣла уже на всю округу. На Страстной недѣлѣ, когда она пѣла въ процессіи, отовсюду собирались, чтобы послушать ея пѣніе. И двое мужчинъ, слушавшихъ ее теперь въ виноградникѣ, ея отецъ и Рафаель, были глубоко взволнованы дивнымъ ея пѣніемъ. Сеньоръ Ферминъ, внѣ себя отъ восторга, бросалъ свою шапку къ ея ногамъ и восклицалъ:

– Да здравствуетъ моя дѣвочка! Да здравствуетъ ея золотое горлышко! Да здравствуетъ родившая ее мать, а также и ея отецъ!

Когда Рафаэль достаточно окрѣпъ и поправился, наступилъ вскорѣ конецъ задушевному общенію этахъ трехъ лицъ. Однажды вечеромъ Рафаэль поговорилъ наединѣ съ сеньоромъ Ферминомъ. Онъ не можетъ дольше оставаться здѣсь; скоро появятся виноградари и Марчамала обратится вновь въ заселенный городокъ. Теперь онъ уже не боится преслѣдованій, но рѣшилъ не возвращаться къ прежнему образу жизни. Страха онъ не чувствуетъ никакого, но носитъ съ планами для своего будущаго. Ему хотѣлось бы имѣть семью, какъ его отецъ, какъ его крестный, Поэтому онъ желаетъ отыскать себѣ болѣе спокойныхъ и почетныхъ занятій, хотя бы ему пришлось терпѣть голодь.

Тогда-то сеньоръ Ферминъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Дюпоновъ, добился того, что Рафаэль получилъ мѣсто завѣдующаго фермой въ Матансуэло, имѣніи племянника покойнаго Дона-Пабло.

Этотъ племянникъ дона-Пабло – Луисъ – только что вернулся въ Хересъ послѣ долгаго скитанія по всѣмъ университетамъ Испаніи. Его дядя и опекунъ требовалъ отъ него, чтобы онъ кончилъ университетскій курсъ, и при жизни его, онъ уступилъ, и велъ существованіе студента, занимая подъ громадныя проценты большія денежныя суммы у ростовщиковъ. Но когда его дядя умеръ, онъ отказался играть дальше комедію научныхъ сводхъ занятій. Донъ-Луисъ былъ богатъ и не желалъ терять времени на вещи, которыя его нисколько не интересовали. Онъ путешествовалъ по всей Испаніи съ цѣлью добиться того, чтобы его считали авторитетомъ по вопросамъ тауромахи, и у него былъ свой излюбленный матадоръ, которому онъ покровительствовалъ, котораго онъ превозносилъ и держалъ за него пари. Сверхъ того у него была еще и другая страсть – страсть къ лошадямъ. Не было кровнаго жеребца въ Хересѣ, котораго онъ не старался бы перебить у двоюроднаго своего брата, и не спѣшилъ бы купить за какую бы то ни было цѣну. Но самыя преобладающія въ немъ страсти были – страсть къ женщинамъ и къ головорѣзамъ, которыми онъ вѣчно себя окружалъ. Къ женщинамъ онъ не выказывалъ особенной щедрости, требуя отъ нихъ, чтобы онѣ любили его ради него самого, и искренно вѣря въ то, что всѣ женскія сердца не могутъ не затрепетать, когда онъ покажется на улицѣ верхомъ на только это купленномъ имъ кровномъ рысакѣ. Со свитой же сопровождающихъ его паразитовъ и головорѣзовъ онъ былъ болѣе щедръ, и очень тщеславился этой своей гвардіей. Часто, находясь въ «Circulo Caballista», онъ указывалъ на какого-нибудь человѣка весьма непривлекательнаго вида, ожидавшаго его у дверей клуба. – Это вотъ Чиво, – говорилъ онъ съ гордостью правителя государства, называющаго одного изъ великихъ своихъ полководцевъ: – у него на тѣлѣ болѣе пятидесяти рубцовъ отъ зажившихъ ранъ.

Когда сеньорь Ферминь заговорилъ съ донь-Луисомъ о Рафаэлѣ, молодой сеньорь тотчасъ же согласился взять его къ себѣ на службу. Онъ уже слышалъ объ этомъ юношѣ, считаетъ его однимъ изъ своихъ (и говоря это, онъ принималъ покровительственный тонъ владыки) и помнить о томъ ужасѣ, который онъ нагонялъ на таможенную стражу.

– Я возьму тебя на мою ферму Матансуэла, – рѣшилъ онъ, ласково хлопнувъ по плечу Рафаеля. – Мой теперешній смотритель полуслѣпой старикъ, надъ которымъ поденщички смѣются. А вѣдь извѣстно, чтл такое рабочіе – это скверный народъ. Съ ними необходимо имѣть хлѣбъ въ одной рукѣ, а палку въ другой. Мнѣ нуженъ такой человѣкъ какъ ты, который ихъ всѣхъ заткнулъ бы себѣ за поясъ и заботился бы о моихъ интересахъ.

И Рафаэль поселился на мызѣ, являясь въ виноградникъ только, разъ въ недѣлю, когда онъ ѣздилъ въ Хересь, чтобы дѣлать докладъ хозяину о дѣлахъ въ имѣніи. Но въ городѣ ему часто приходилось разыскивать дон-Луиса въ квартирѣ какой-нибудь изъ его «дамъ». Онъ принималъ здѣсь своего управителя, лежа въ постели, рекомендовалъ ему «твердость» въ обращеніи съ лѣнтяями-поденщиками, и совѣтовалъ всѣхъ ихъ «заткнуть себѣ за поясъ».

Несмотря на эти, высказываемыя донь-Луисомъ «идеи», донь-Пабло терпѣть не могъ своего двоюроднаго брата, считая, что онъ лишь позоритъ ихъ семью. Этотъ родственникъ, повторявшій въ своемъ образѣ жизни скандалы и кутежи маркиза Сань-Діонисіо, былъ очень неудобенъ для фирмы, вызывавшей къ себѣ всеобщее уваженіе. Бѣда эта усиливалась еще присутствіемъ въ домѣ Дюпоновъ двухъ дочерей маркиза, Лола и Мерседесъ. Ихъ крайне легкомысленное поведеніе приводило въ отчаяніе дону-Эльвиру. Наконецъ, одинъ изъ поклонниковъ дѣвушевъ поспѣшилъ посвататася къ Лола, точно боясь, что она ускользнетъ отъ него.

Свадьба эта явилась освобожденіемъ для обѣихъ сестеръ. Незамужняя переѣхала жить къ замужней, и вскорѣ въ домѣ мужа онѣ ввели тѣ же обычаи и нравы, которыхъ онѣ придерживались въ домѣ Дюпововъ. Мерседесъ проводила ночь за рѣшеткой окна въ интимныхъ бесѣдахъ со своими ухаживателями: ея сестра сопровождала ее, и говорила съ друзьями, чтобы не терять времени попусту. Мужъ протестовалъ, но и жена и ея сестра негодовали на то, что онъ осмѣливается подобныя невинныя развлечения ихъ толковать оскорбительно для ихъ цѣломудрія.

Сколькоо горя причинили эти двѣ «маркезиты», ихъ называли въ городѣ, – строгой донь-Эльвирѣ!.. Незамужняя, Мерседесъ, бѣжала съ богатымъ англичаниномъ. Время отъ времени о ней доходили неопредѣленные слухи, заставлявшіе блѣднѣть отъ бѣшенства благородную сеньору. То ее видѣли въ Парижѣ, то въ Мадридѣ, ведущей жизнь элегантною «кокотки». Она часто мѣняла своихъ покровителей, которыхъ въ изобиліи привлекала къ себѣ своею красотой. Къ тому же на нѣкоторыхъ изъ нихъ производилъ немалое впечатлѣніе ея титулъ маркизы де-Сань-Діонисіо, и дворянская корона, которою она украшала ночныя свои рубашки и простыни постели, посѣщаемой столь же усиленно, какъ и панель людной улицы.

Вдова Дюпона чуть не умерла отъ стыда, узнавъ обо всѣхъ вещахъ. Господи Боже, для этого-то появились на свѣтъ знаменитые члены ихъ рода, – вице-короли, архіепископы и генералы, которыхъ короли награждали титулами и имѣніями!.. Чтобы вся ихъ слава служила лишь рекламой женщинѣ дурного поведенія!.. И все-таки еще Мерседесъ оказалась лучшей изъ двухъ сестеръ! По крайней мѣрѣ, она хоть бѣжала, чтобы не позоритъ свою семью въ родномъ ихъ городѣ, и если она и жила въ грѣхѣ, то лишь только съ людьми всегда приличными, занимавшими извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Но младшая, замужняя, эта, казалось, имѣла въ виду погубить всѣхъ своихъ родныхъ, покрывъ ихъ позоромъ. Послѣ бѣгства Мерседесъ семейная жизнь Лолы превратилась чисто въ адъ. Мужъ ея терзался ревностію, онъ не зналъ, кого считать своимъ соперникомъ, такъ какъ Лола стала обращаться со всѣми одинаково развязно, словно всѣмъ предлагая себя своими взглядами. Домашнія исторіи были непрерывны, скандалы стали такими невыносимыми, что, наконецъ, мужъ счелъ нужнымъ переѣхать къ своимъ родителямъ, и «маркезита» зажила одна во все свое удовольствіе. Кутежи, шумъ, драки, пьяныя ласки, которыя она мелькомъ видѣла въ родительскомъ домѣ, привлекали ее съ атависти-

ческой силой и она отдавалась имъ безъ всякаго угрызенія совѣсти, точно продолжая семейную традицію. Въ своихъ вочныхъ экскурсіяхъ, идя подъ руку съ торговцемъ свиньями, который въ ту пору пользовался временнымъ ея расположеніемъ, она иногда встрѣчалась съ Луисомъ Дюпономъ и его веселой свитой, и они кутили и напивались всѣ вмѣстѣ.

Послѣдней любовью «маркезиты» былъ курносый атлетъ, торговецъ свиньями, съ которымъ она жила въ предмѣстїи Хереса; какая-то тайная привлекательность этого сильнаго самца всецѣло поработала ее. Она гордилась имъ, и хотя, случалось, иногда и уходила отъ него на нѣсколько дней, но возвращалась всегда сама, и тогда весь кварталъ слышалъ крики «маркезиты», которую ея возлюбленный таскалъ за волосы и билъ.

Богатыя и благочестивыя семьи, состоявшія въ узахъ родства съ Санъ-Діонисіо, говорили съ покорностью: – Должно быть, она сумасшедшая. Но не могли покорится Дюпоны, – донъ-Пабло и его мать, – которые всякій разъ, когда они встрѣчали на улицѣ Лола съ ея рыжими волосами и наглой улыбкой, возвращались домой смущенные и въ самомъ ужасномъ настроеніи духа. Они уѣзжали на долгое время изъ Хереса въ Марчамалу, чтобы избѣжать встрѣчи съ маркезитой и съ людьми, говорившими объ ея эксцентричностяхъ.

Благодаря продолжительному пребыванію своему въ Марчамалѣ Дюпонъ наконецъ, привелъ въ исполненіе давнишнее свое намѣреніе, выстроивъ вмѣсто стараго зданія красивый и роскошный новый домъ для своей семьи. Но онъ не перестроилъ жилище для виноградарей, и сохранилъ старую людскую, почернѣвшую отъ дыма, въ которой спали поденщики.

III

Когда дюжина собак, которых держали на фермѣ Матансуэла, – борзья, дворняжки и таксы – чуяли въ полдень приближеніе смотрителя, онѣ привѣтствовали его громкимъ лаемъ, и когда дядя Антонио, извѣстный подъ прозвищемъ Сарандилья, выходилъ къ воротамъ навстрѣчу Рафаэлю.

Старикъ былъ прежде, въ теченіе долгихъ лѣтъ, смотрителемъ фермы. Его взяли къ себѣ на службу еще отецъ веселаго донъ-Луиса, но этотъ послѣдній, желавшій окружать себя лишь молодыми людьми, а также въ виду старости и плохого зрѣнія Сарандильи, замѣнилъ его Рафаэлемъ. Еще благодареніе Богу, какъ говорилъ дядя Антонио со своею крестьянскимъ смиреніемъ, что хозяинъ не послалъ его собирать милостыню по большимъ дорогамъ, а позволилъ жить на фермѣ съ женой, съ тѣмъ однако, чтобы она присматривала за домашней птицей, а онъ помогать въ уходѣ за поросятами.

Два инвалида борьбы съ землей не имѣли другого просвѣта въ тяжеломъ своемъ положеніи, какъ только хорошее отношеніе къ нимъ Рафаэля. Только доброта новаго смотрителя облегчала ихъ участь. Дядя Сарандилья проводилъ цѣлые часы, сидя на одной изъ скамеевъ у воротъ, устремивъ взглядъ своихъ помутнѣвшихъ глазъ въ поля съ безконечными ихъ бороздами, и смотритель не укорялъ его за старческую лѣнь. Старуха любила Рафаэля, какъ родного сына. Она присматривала за его бѣльемъ и обѣдомъ, а онъ платилъ ей подарками за ея услуги. Рафаэль по добротѣ и красивой наружности своей походилъ на единственнаго ихъ сына, который умеръ, въ бытность свою солдатомъ, въ Кубѣ. Сеньора Эдувихисъ часто бранила мужа за то, что, по ея мнѣнію, онъ не былъ достаточно любезнымъ и предупредительнымъ относительно Рафаэля. Прежде чѣмъ собаки возвѣщали лаемъ о его приближеніи, она слышала топотъ его лошади.

– Скорѣй, – кричала она своему мужу, – ты развѣ не слышишь, что ѣдетъ Рафаэль? Бѣги, поддержи ему стремя.

Пока старикъ это дѣлалъ, а затѣмъ уводилъ лошадей въ конюшню, Рафаэль весело направлялся въ кухню къ Эдувихисъ и спрашивалъ, что ему дадутъ сегодня въ обѣду. Они сѣли за столъ, и Сарандилья бросилъ жадный взглядъ на бутылку съ виномъ, къ которой онъ протягивалъ дрожащія руки. Это была роскошь, введенная въ обычай Рафаэлемъ, такъ же какъ и сигары, которыя двое мужчинъ медленно выкуривали послѣ обѣда, говоря о работахъ на фермѣ. Смотритель рассказывалъ о поѣздкѣ на пастбища донъ-Луиса, гдѣ зимовали стада – коровы и кобылы фермы. За ними присматривали пастухъ и два подпаса, получавшіе всѣ втроемъ поденную плату лишь въ двѣ песеты, а ихъ попечѣнію было довѣрено восемьсотъ коровъ и сто быковъ, стоящія сотни тысячъ песетъ! Рафаэль удивлялся честности, кротости и добротѣ этихъ бѣдныхъ людей. Сарандилья подтверждалъ мысли, высказанныя Рафаэлемъ. Дѣйствительно, наиболѣе честные люди, это – бѣдняки. И ихъ еще боятся, считаютъ ихъ дурными?!. Онъ ставитъ ни во что честность городскихъ сеньоровъ.

– Подумай, Рафаэ, какая заслуга въ томъ, скажемъ къ примѣру, если донъ-Пабло Дюпонъ, при всѣхъ своихъ милліонахъ, окажется добрымъ и ни у кого ничего не украдетъ? Настоящіе добрые люди – одни лишь бѣдняки, одни мы.

Но смотритель не выказывалъ такого же оптимизма, какъ старикъ. По его мнѣнію, поденщики, хотя они и бѣдные люди, но и у нихъ достаточно пороковъ, а главное, они лѣнтяи. Сарандилья негодовалъ, слушая такія рѣчи Рафаэля. А какими же онъ желалъ бы видѣть поденщиковъ? Какой могутъ они чувствовать интересъ къ своей работѣ? Онъ помнитъ времена, когда онъ и Эдувихисъ работали поденно. Что это была за жизнь?... Работать цѣлый день подъ лучами палящаго солнца или же въ стужу, не получая большаго вознагражденія, какъ два реала въ день и пять реаловъ только во время жатвы. Правда, хозяинъ давалъ харчи, но что это были

за харчи! Лѣтомъ имъ временно давали похлебку съ горохомъ, ѣду, выходящую изъ ряда вонъ, о которой они вспоминали весь годъ. Въ остальные же мѣсяцы харчи составлялъ лишь хлѣбъ, одинъ лишь хлѣбъ. Сухой хлѣбъ по рукамъ и горячую похлебку, или же тюрю изъ того же хлѣба – вотъ и все, точно не существовало ничего другого на свѣтѣ для бѣднаго народа, какъ только хлѣбъ, немного соли, нѣсколько луковиць, вотъ и вся приправа. Что же можетъ быть привлекательнаго въ работѣ для поденщиковъ, которые, не достигнувъ еще и тридцати пяти лѣтъ, уже чувствуютъ себя одряхлѣвшими и стариками?

Однажды вечеромъ, въ февралѣ, смотритель и Сарандилья толковали о работахъ на фермѣ въ то время какъ Эдувихисъ мыла посуду въ кухнѣ. Кончился посѣвъ гороха, фасоли и чечевицы. Теперъ толпа поденщиковъ и поденщиць была занята тѣмъ, что полола хлѣбныя нивы. Сарандилья, – полуслѣпота котораго, повидимому, обостряла его слухъ, прервалъ Рафаэля, повернувъ голову въ сторону, какъ бы для того, чтобы лучше слышать, и сказалъ:

– Мнѣ кажется, гремитъ громъ...

Рафаэль сталъ прислушиваться. Дѣйствительно, гдѣ-то вдали слышались раскаты грома: собиралась гроза. Она и разразилась съ необычайной силой. Полился дождь, какъ изъ ведра, и двое мужчинъ должны были укрыться подъ входной аркой, откуда сквозь рѣшетку воротъ видать было лишь небольшой кусочекъ поля.

Отъ почвы, на которую падали дождевые потоки, неся теплый паръ и запахъ мокрой земли. Вдали, по бороздамъ поля, превращеннымъ въ ручьи, бѣжала толпа рабочихъ, направляясь въ ферму, и съ ихъ плащей лилась грязная вода. Рафаэль обратилъ вниманіе на двухъ отдѣльныхъ лицъ, медленно приближавшихся къ фермѣ. Одинъ изъ нихъ велъ за уздечку осла, навьюченнаго большими сумками изъ плетеной соломы, изъ-за которыхъ едва виднѣлись уши и хвостъ животнаго.

Смотритель узналъ того изъ нихъ, который велъ за уздечку осла, понукая его, чтобы онъ шель скорѣй. Звали его Маноло; это былъ старый поденщикъ.

Послѣ одной изъ стачекъ крестьянъ хозяева указывали другъ другу на Маноло какъ на одного изъ главныхъ зачинщиковъ. Не получая вслѣдствіе того нигдѣ работы, онъ существовалъ лишь тѣмъ, что переходя изъ фермы въ ферму въ качествѣ коробейника, продавалъ женщинамъ мелкій товаръ – платки, ленты и куски полотна, а мужчинамъ вино, водку и прокламаціи, старательно спрятанныя у него въ сумкахъ.

Только въ Матансуэлу и еще въ очень немногія фермы могъ Маноло проникнуть, не вызывая тревоги и не встрѣчая противодѣйствія.

Рафаэль всматривался въ другого человѣка, въ товарища коробейника, который ему тоже казался знакомымъ, но не могъ припомнить, кто это такой. Онъ шель, заложивъ руки въ карманы, весь промокнувъ отъ дождя, дрожа отъ холода, потому что не имѣлъ плаща, какъ его таварищъ. Однако, несмотря на это, онъ шель не торопясь, словно дождь и вѣтеръ нимало не беспокоили его.

– Привѣтъ, товарищи! – сказалъ Маноло, проходя мимо воротъ фермы. – Вотъ такъ погода, просто ужась!..

Тутъ только Рафаэль узналъ того, который сопровождалъ торговца, увидавъ его безкровное лицо аскета, рѣдкую бородку и добрые, угасающіе глаза, смотрѣвшіе сквозь голубоватыя стекла очковъ.

– Донъ-Фернандо! – воскликнулъ онъ съ удивленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ донъ-Фернандо.

И выйдя изъ-подъ воротъ, въ бушующій разливъ дождя, Рафаэль взялъ донъ-Фернандо за руку, чтобы заставить его войти во дворъ. Тотъ сопротивлялся, желая идти съ товарищемъ нѣсколько дальше, въ людскую. Но Рафаэль усиленно протестовалъ. Добрый пріятель его крестнаго, тотъ, который былъ начальникомъ его отца, не хочетъ зайти въ нему...

И почти насильно онъ введъ его въ ферму, въ то время какъ Маноло отправился дальше, въ людскую.

– Иди, иди, – поощрилъ его Сарандилья. – Поденщики навѣрное раскупятъ всѣ твои бумаженки и имъ будетъ чѣмъ заняться, пока льетъ дождь. Мнѣ кажется, что дождливое время установится теперь надолго!

Сальватьерра вошелъ въ кухню фермы, и Эдувихись, чувствуя состраданіе къ промокшему насквозь «бѣдному сеньору», торопливо запалила огонь въ очагѣ.

А Сарандилья обратился къ ней съ нѣкоторою торжественностью, говоря:

– Знаешь ли ты, кто этотъ кабалеро, Эдувихись?... Навѣрное нѣтъ... Это донъ-Фернандо Сальватьерра, тотъ самый сеньоръ, о которомъ столько писади въ газетахъ и который защищаетъ бѣдныхъ.

Между тѣмъ зритель отыскивалъ бутылку цѣннаго вина, подаренную ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестнымъ. Наконецъ онъ нашель ее и, наливъ стаканъ, предложилъ его дону-Фернандо.

– Благодарю, я не пью.

– Но это вино первѣйшаго сорта, сеньоръ, – сказалъ Сарандилья. – Выпейте, милость ваша – вино очень вамъ полезно, послѣ того какъ вы промокли.

Сальватьерра сдѣлалъ отрицательный жестъ рукою.

– Еще разъ благодарю: я не беру въ ротъ вина.

Сарандилья взглянулъ на него съ изумленіемъ. Что за исторія!.. По справедливости считаютъ этого дона-Фернандо совсѣмъ особеннымъ человѣкомъ.

Рафаэль просилъ его съѣсть что-нибудь, и велѣлъ старухѣ приготовить скорѣе яичницу и подать ветчину, которую хозяйинъ привѣзъ въ одно изъ своихъ посѣщеній. Но Сальватьерра рѣшительно отказался. Все это лишнее, у него съ собой весь его ужинъ. И онъ вынулъ изъ кармана мокрую бумагу, въ которой были завернуты кусокъ хлѣба и сыра.

– Но, по крайней мѣрѣ, вы не откажетесь покурить, донъ-Фернандо? – спросилъ Рафаэль, предлагая ему сигару.

– Благодарю васъ, я не курю.

Старикъ Сарандилья не могъ долше сдерживаться. Даже и не курить?... Теперь понятно удивленіе нѣкоторыхъ людей. Человѣкъ, у котораго такъ мало потребностей, вызываетъ даже страхъ, словно онъ пришлецъ съ того свѣта.

И пока Сальватьерра подошелъ въ огонь, чтобы погрѣться, зритель ушелъ и тотчасъ же вернулся. Онъ принесъ съ собой теплый зимній плащъ, въ который и завернули Сальватьерра, снявъ съ него мокрую одежду.

Рафаэль высказалъ свое удивленіе, что донъ-Фернандо здѣсь, когда крестный нѣсколько дней тому назадъ говорилъ ему, будто онъ въ Кадиксѣ.

– Да, я былъ тамъ. Я ѣздилъ взглянуть на могилу моей матери...

И точно желая скорѣе перешагнуть черезъ это воспоминаніе, онъ сообщилъ, какимъ образомъ попалъ сюда. Сегодня утромъ выѣхалъ онъ изъ Хереса, чтобы повидаться съ сеньоромъ Антонио Матакардильосъ, собственникомъ плохонькаго постоялаго двора вблизи фермы Матансуэла. Сеньоръ Антонио въ молодости участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ во всѣхъ революціонныхъ приключеніяхъ, у него была теперь болѣзнь сердца; ноги его распухли отъ водянки и донъ-Фернандо пріѣхалъ повидаться съ нимъ, обѣщавъ ему посѣтить его еще разъ вмѣстѣ съ Маноло, котораго онъ тамъ встрѣтилъ. Донъ-Фернандо возвращался съ Маноло въ Хересъ, когда ихъ застигла буря и принудила искать убѣжища въ какой-нибудь мызѣ.

Рафаэль заговорилъ съ дономъ-Фернандо о его странныхъ обычаяхъ, о которыхъ много разъ ему рассказывалъ его крестный: о томъ, какъ онъ купался въ морѣ въ Кадиксѣ среди зимы, какъ онъ отдалъ свой плащъ первому встрѣчному «товарищу», нуждающемуся въ немъ, о его режимѣ питанія, на которое онъ тратилъ не болѣе тридцати сантимовъ въ день.

Сальватьерра оставался все время невозмутимым, точно рѣчь шла не о немъ, а о комъ-нибудь другомъ, и только когда Рафаэль удивлялся скудости его питанія, онъ отвѣтилъ:

– Я не имѣю права на большее. Быть можетъ, эти бѣдняки, которые сидятъ въ повалку тамъ въ людской, ѣдятъ лучше меня?

Когда Сальватьерра увидѣлъ, что его платье почти высохло, онъ одѣлся въ него и направился въ дверямъ. Несмотря на то, что дождикъ все еще шелъ, онъ рѣшилъ отравиться въ людскую, къ своему товарищу. Рафаэль настаивалъ, чтобы онъ остался у него, гдѣ постель ему уже была приготовлена.

– Я не могъ бы заснуть въ твоей постели, Рафаэль, – сказалъ Сальватьерра, – я не имѣю права отдыхать на пуховикахъ въ то время, какъ другіе, подъ тѣмъ же кровомъ, спятъ на циновкахъ изъ ковыля.

Рафаэль взялся проводить своего гостя. По дорогѣ въ людскую имъ встрѣтился молодой парень невысокаго роста. Глаза его сверкали въ темнотѣ, такъ же какъ и его большіе, бѣлые зубы. На головѣ у него были двѣ разныхъ цвѣтовъ шляпы, надѣтыя одна на другую. Нижняя шляпа, судя по ея полямъ, была новая, свѣтло-сѣраго цвѣта, верхняя же была рыже-чернаго цвѣта, съ разорванными краями.

Рафаэль взялъ парня за плечо и представилъ его Сальватьерра съ комической серьезностью:

– Это Алкапарронъ, о которомъ вы навѣрное слышали, – самый большой плутъ изъ всѣхъ цыганъ въ Хересѣ.

Алкапарронъ освободился изъ рукъ Рафаэля и воскликнулъ въ негодованіи:

– У, у, сеньоръ Рафаэ, какой вы злой человѣкъ... Что это вы говорите...

Смотритель продолжалъ серьезнымъ тономъ, нахмутивъ брови:

– Онъ работаетъ у насъ въ Матансуэлъ со всей своей семьей... Знаете ли вы, почему онъ носитъ на головѣ двѣ шляпы? Чтобы набить ихъ горохомъ или фасолью, какъ только я не досмотрю: но онъ не подозреваетъ, что въ одинъ прекрасный день я его подстрѣлю.

– Иисусе Христе! Сеньоръ Рафаэ! Что вы говорите?

И онъ, въ отчаяніи сложивъ руки, взглянулъ на Сальватьерра и сказалъ ему съ дѣтской пылкостью:

– Не вѣрьте ему, сеньоръ; онъ очень злой, и говорить такъ, чтобы мучить меня. Клянусь спасеньемъ матери моей, все сказанное имъ ложь...

И онъ объяснилъ тайну двухъ шляпъ, нахлобученныхъ имъ чуть ли не до самыхъ глазъ. Нижняя шляпа – новая, которую онъ надѣваетъ лишь въ праздники и когда онъ отравляется въ городъ. Въ рабочіе же дни онъ не отваживается оставлять ее дома, опасаясь своихъ товарищей, которые позволяютъ себѣ всякаго рода шутки съ нимъ, потому что онъ «бѣдненькій цыганъ». Поэтому онъ и надѣваетъ новую шляпу, покрывая ее старой, чтобы она не утратила своего сѣраго цвѣта и той шелковистости, которой онъ такъ гордится.

Смотритель продолжалъ дразнить цыгана, говоря:

– Слушай, Алкапарронъ, знаешь ли ты, кто этотъ сеньоръ?... Это донъ-Фернандо Сальватьерра. Слышалъ ли ты о немъ?

Цыганъ сдѣлалъ жестъ изумленія и широко раскрылъ глаза:

– И очень даже слышалъ... Въ людской битыхъ два часа идетъ разговоръ о немъ. Многія вамъ лѣта, сеньоръ. Я очень радъ познакомиться съ такимъ важнымъ и знатымъ господиномъ. Сейчасъ видно, что такое ваша милость: наружность у васъ совсѣмъ губернаторская.

Сальватьерра улыбался, слушая эту лесть, расточаемую ему цыганомъ.

Рафаэль заговорилъ о сестрахъ Алкапарронасъ, цыганкахъ-танцовщицахъ, подвизавшихся въ Парижѣ, гдѣ онѣ имѣли громаднѣйшій успѣхъ, а также и въ разныхъ городахъ Россіи, имена которыхъ управитель не могъ вспомнить. Портреты этихъ танцовщицъ виднѣлись всюду,

даже на коробках спичекъ, о нихъ говорили въ газетахъ, имъ подносили массу бриллиантовъ и онѣ танцовали въ театрахъ и дворцахъ.

– И подумайте, донъ-Фернандо, онѣ такія же уродливыя, какъ и вотъ этотъ ихъ двоюродный братъ. Я видѣлъ ихъ дѣвчонками, бѣгающими здѣсь въ фермѣ и таскающихъ горохъ. Были онѣ очень бойкія и ловкія, но не было въ нихъ ничего такого плѣнительнаго, развѣ лишь какая-то цыганская удалъ, а также и безстыдство, отъ котораго даже и мужчинъ можетъ бросить въ краску. И это-то и нравится разнымъ знатнымъ господамъ?... Правда, даже смѣшно!

Но Алкапарронъ сталъ говорить съ нѣвоторой гордостью о своихъ двоюродныхъ сестрахъ, хотя и сѣтоваль о столь великой разницѣ ихъ судьбы и судьбы его семьи. Онѣ чуть ли не королевы, а онѣ съ бѣдной своей матерью, съ маленькими братиками – отецъ ихъ давно умеръ – и съ Мари-Крусъ, вѣчно больной кузиной его, зарабатываютъ на фермѣ поденно всего лишь два реала. Еще счастье, что ихъ берутъ здѣсь ежегодно на работу, зная, что они хорошіе люди!.. Его двоюродныя сестры существа бездушныя, потому онѣ и не пишутъ писемъ семьѣ и не посылаютъ никому ни полгрошика.

Простившись съ Рафаэлемъ, Сальватьерра пошелъ по тропинкѣ вдоль забора съ старымъ Сарандилья, и скоро добрался до навѣса, служившаго входомъ въ людскую. Подъ навѣсомъ стоялъ на открытомъ воздухѣ рядъ кувшиновъ съ запасомъ воды для поденщиковъ. Кто чувствовалъ жажду, переходилъ изъ удушливой жары людской въ эту ночную стужу и пилъ ледяную воду, въ то время какъ вѣтеръ обдувалъ ему потное тѣло.

Когда Сальватьерра вошелъ въ людскую, на него пахнулъ оттуда воздухъ, пропитанный запахомъ сырой шерсти, тухлаго деревяннаго масла и грязи.

Комната была большая и казалась еще больше отъ густой атмосферы и скудости освѣщенія. Въ ея глубинѣ виднѣлся очагъ, въ которомъ горѣлъ коровій навозъ, распространяя отвратительный запахъ. Въ этомъ носившемся кругомъ туманѣ видѣлялось красноватое пламя свѣчи. Въ остальной же части комнаты, совершенно темной, чувствовалось присутствіе многихъ людей. Дойдя до середины комнаты, Сальватьерра могъ здѣсь все лучше разглядѣть. На очагѣ кипятилось нѣсколько котелковъ, за которыми присматривали женщины, стоявшія съ этой цѣлью на колѣняхъ. Стульевъ не было нигдѣ, въ комнатѣ всѣ бывшіе въ ней сидѣли на полу.

Тутъ же находился и Маноло, а кругомъ него собралась кучка его друзей, и всѣ они черпали ложками изъ котелка съ горячей хлѣбной похлебкой. Въ разныхъ углахъ виднѣлись группы мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ на полу или на цыновкахъ изъ ковыля. Всѣ ѣли горячую похлебку, разговаривая и смѣясь.

Видъ этого помѣщенія съ этимъ накопленіемъ людей вызвалъ въ памяти Сальватьерра мысль о тюрьмѣ. И тутъ тѣ же штукатуренныя стѣны, но только болѣе закоптѣвшія, чѣмъ въ тюрьмѣ, тѣ же желѣзные крючки, вбитые въ стѣны, а на нихъ висѣли сумки, плащи, мѣшки, разноцвѣтныя рубахи, грязныя шляпы, тяжелые башмаки съ безчисленными заплатами и острыми гвоздями.

Сальватьерра взглянулъ на лица этихъ людей, смотрѣвшихъ на него съ любопытствомъ, прерывая на мгновеніе свою ѣду, держа руки неподвижно съ поднятой вверхъ ложкой. У молодыхъ парней лица были еще свѣжія, и они часто смѣялись, отражая въ глазахъ своихъ жизнерадостность. Но мужчины зрѣлаго возраста выказывали уже признаки преждевременной старости; тѣло ихъ было какое-то высохшее, кожа морщинистая. Женщины являли собой еще болѣе печальное зрѣлище. Нѣкоторыя изъ нихъ были цыганки, старыя и уродливыя. Молодыя же казались малокровными, худосочными. Сальватьерра подошелъ къ очагу, и тутъ онъ увидѣлъ Алкапаррона, который сказалъ ему:

– Взгляните, милость ваша, вотъ это моя мама.

И онъ указаль ему на старую цыганку, только что снявшую съ огня похлебку изъ гороха, на которую жадно глядѣли трое ребятъ, братьевъ Алкапаррона, и худенькая, блѣдная дѣвушка, съ громадными черными глазами, его двоюродная сестра, Мари-Крусъ.

– Такъ что вы-то и есть знаменитый донъ-Фернандо? – спросила старуха. – Пусть же Господь Богъ пошлетъ вамъ всякое благополучіе и долгую жизнь за то, что вы отецъ бѣдныхъ и беззащитныхъ...

И поставивъ на полъ котелокъ, она усѣлась кругомъ него со всей своей семьей. Этотъ ужинъ ихъ былъ выходящій изъ ряду. Запахъ гороховой похлебки вызываль во многихъ присутствовавшихъ волненіе, заставляя ихъ обращать свои взоры съ завистью на группу цыганъ. Сарандилья заговорилъ со старухой, насмѣхаясь и спрашивая, какой такой попался ей необычайный заработокъ? Вѣрно, наканунѣ, идя въ Хересь, она получила нѣсколько песетъ за гаданіе или же за порошокъ, данный ею дѣвушкамъ, съ тѣмъ, чтобы приворожить къ нимъ бросившихъ ихъ возлюбленныхъ. Ахъ, старая колдунья! Казалось невозможнымъ, чтобы ей на долю выпала такая удача съ такимъ уродливымъ лицомъ.

Цыганка слушала, все время улыбаясь, не переставая жадно глотать гороховую похлебку, но когда Сарандилья уломянулъ объ ея уродливомъ лицѣ, она бросила ѣсть.

– Молчи, ты слѣпой, не человекъ, а только тѣнь! Дай Богъ, чтобы я всю мою жизнь могла бы видѣть тебя подъ землей, какъ твоихъ братьевъ-кротовъ... Если я теперь некрасива, то было время, когда маркизы цѣловали мнѣ башмаки. Ты это хорошо знаешь, безстыжій!

И она съ грустью добавила:

– Не была бы я здѣсь, еслибъ былъ живъ маркизъ Санъ-Діонисіо, этотъ славный сеньоръ, крестный отецъ моего бѣдняги Хосе-Марія.

И она указала на Алкапаррона, бросившаго ложку, которую онъ подносилъ ко рту, чтобы выпрямиться съ нѣкоторою гордостью, услыхавъ имя своего крестнаго отца, который, какъ утверждалъ Сарандилья, былъ для него нѣчто большее, чѣмъ крестный отецъ.

Сальватьерра взглянулъ съ удивленіемъ на морщинистую и отталкивающую наружность старой цыганки. Она въ сущности была не такъ стара, какъ казалось, но бысро зачихла и отъ переутомленія работой, а также и отъ того ранняго разрушенія восточныхъ расъ при переходѣ отъ молодости къ старости, подобно тому, какъ великолѣпные дни тропика сразу перескакиваютъ отъ свѣта къ тѣмъ, безъ промежуточнаго періода сумерковъ.

Цыгане продолжали жадно глотать свою похлебку, а Сальватьерра вынулъ изъ кармана скудный свой ужинъ, съ улыбкой отказываясь отъ предложеній, которыя ему дѣлали со всѣхъ сторонъ. Въ то время какъ онъ ѣлъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, глаза Сальватьерра упали на человекъ, который изъ всѣхъ остальныхъ, бывшихъ въ комнатѣ, одинъ не заботился о своемъ ужинѣ.

Это былъ худощавый юноша; его шея была обвязана краснымъ платкомъ, на немъ была надѣта одна лишь рубаха. Товарищи давно уже звали его ужинать, объявляя ему, что скоро ничего не останется отъ похлебки, но онъ продолжалъ сидѣть на обломкѣ пня, весь согнувшись надъ маленькимъ столомъ, на которомъ горѣла свѣчка. Онъ писалъ медленно, съ усиленіемъ и съ упорствомъ крестьянина. Передъ нимъ лежалъ обрывокъ газеты, и, онъ списываль оттуда строки водянистыми чернилами и плохимъ перомъ.

Сарандилья, сидѣвшій рядомъ съ Сальватьерра, сказалъ:

– Это «Маэстрико!»

Такъ прозвали его изъ-за его любви къ книгамъ и бумагамъ. Не успѣеть онъ придти съ работы, какъ уже беретъ перо въ руки и начинаетъ выводить буквы.

Сальватьерра подошелъ къ Маэстрико, а тотъ повернулъ голову, чтобы взглянуть на него, и прервалъ на время свою работу. Съ нѣкоторой горечью сталъ онъ объяснять Сальватьерра страстное свое желаніе учиться, при чемъ онъ лишаль себя часовъ сна и отдыха. Воспитали

его, какъ животное; семи лѣтъ онъ былъ уже подпаскомъ на фермахъ и затѣмъ пастухомъ въ горахъ, и зналъ лишь голодь, удары, утомленіе.

– А я хочу обладать знаніемъ, донъ-Фернандо. Все, чему подвергаемся мы, бѣдные люди, происходитъ оттого, что у насъ нѣтъ знанія.

Онъ смотрѣлъ съ горечью на своихъ товарищей-поденщиковъ, довольныхъ своимъ невѣжествомъ и которые въ насмѣшку прозвали его Maestrico, и даже считаютъ его сумасшедшимъ за то, что, возвращаясь съ работы, онъ садится читать по складамъ газетные обрывки, или же принимается медленно выводить буквы въ своей тетради при свѣтѣ зажженного огарка свѣчи. Онъ самоучка, и никогда не имѣлъ учителя. Его мучитъ мысль, что другимъ съ чужой помощью легко удастся побѣдить тѣ затрудненія, которыя ему кажутся непреодолимыми. Но его вдохновляетъ вѣра и онъ идетъ впередъ, убѣжденный въ томъ, что если бы всѣ слѣдовали его примѣру, судьба всего существующаго на землѣ измѣнилась бы кореннымъ образомъ.

– Міръ принадлеждтѣ тому, кто больше другихъ знаетъ, не правда ли, донъ-Фернандо? Если богатые сильны и топчутъ насъ ногами и дѣлаютъ то, что хотятъ, то происходитъ это не потому, что деньги въ ихъ рукахъ, а потому, что они имѣютъ больше знаній, чѣмъ мы... Эти несчастные смѣются надо мной, когда я имъ совѣтую учиться, и говорятъ, что здѣсь въ Хересѣ богачи еще большіе невѣжды, чѣмъ поденщики. Но это не въ счетъ... Эти богачи, которые живутъ тутъ у насъ – болваны. А надъ ними громоздятся другіе, настоящіе богачи, тѣ, которые обладаютъ знаніемъ, которые устанавливаютъ законы на весь міръ и поддерживаютъ все это теперешнее неустройство общества, благодаря чему немногіе владѣютъ всѣмъ, а значительное большинство людей не имѣетъ ничего. Еслибъ рабочій зналъ все то, что они знаютъ, онъ бы не давалъ себя имъ въ обманъ, онъ ежечасно боролся бы съ ними и по меньшей мѣрѣ заставилъ бы ихъ раздѣлить власть съ нимъ.

Сальватерра изумлялся горячей вѣрѣ этого юноши, считавшаго себя обладателемъ цѣлебнаго лѣкарства для уничтоженія всѣхъ золь, претерпѣваемыхъ безконечной ордой нуждающихся. Учиться, обладать знаніемъ!.. Эксплуататоры насчитываются тысячами, а эксплуатируемые тысячами милліоновъ... Еслибъ люди не жили бы въ слѣпотѣ и невѣжествѣ, какъ могъ бы существовать подобный абсурдъ...

Maestrico продолжалъ излагать свои убѣжденія съ страстной вѣрой, свѣтившейся въ его искреннихъ глазахъ.

– Ахъ, если бы бѣдные знали то, что знаютъ богатые!.. Эти богатые такъ сильны и всѣмъ управляютъ, потому что знаніе къ ихъ услугамъ. Всѣ открытія и изобрѣтенія науки попадаютъ въ руки къ нимъ, принадлежатъ имъ, а бѣднякамъ внизу едва достаются какіе-нибудь подонки. Если же кто-нибудь, выйдя изъ массы нуждающихся, поднимается надъ ней, благодаря уму и способностямъ, – вмѣсто того, чтобы хранить вѣрность своимъ по происхожденію, служить опорой братьямъ, онъ переходитъ въ станъ къ врагамъ, поворачивается спиной къ ста поколѣніямъ своихъ предковъ, угнетенныхъ несправедливостью, и продаетъ себя и свои дарованія палачамъ, лишь вымаливая себѣ мѣстечко среди нихъ. Невѣжество – самое худшее рабство, самое страшное мученіе бѣдныхъ! Но просвѣщеніе индивидуальное, обученіе отдѣльныхъ лицъ совершенно бесполезно: оно служитъ только для того, чтобы создать роты дезертировъ, перебѣжчиковъ, которые спѣшатъ стать въ ряды непріятели! Необходимо, чтобы всѣ обучались, чтобы вся большая масса поняла бы наконецъ свое могущество.

– Всѣ, всѣ, понимаете вы меня, донъ-Фернандо? Всѣ сразу, съ возгласомъ: «Мы не желаемъ больше обмана, мы не хотимъ больше служить вамъ, чтобы теперешнее неустройство продолжалось еще долго».

Донъ-Фернандо высказывалъ свое одобреніе утвердительно кивками головы, ему нравилась эта мечта невинности. Измѣнить весь строй міра безъ кровопролитія, съ помощью волшебнаго жезла ученія и знанія, безъ всѣхъ этихъ насилій, внушавшихъ отвращеніе нѣжной его душѣ, и которыя всегда кончаются лишь пораженіемъ несчастныхъ и жестокимъ возмездіемъ

власть имущих; что за прекрасная мечта!.. Но кто же окажется в силах разбудить всю массу бѣдняковъ, внушить имъ одновременно страстную вѣру этого бѣднаго юноши, идущаго ощупью, съ глазами, устремленными на свѣтлую звѣзду, которую одинъ онъ видитъ!..

Нѣсколько идейныхъ рабочихъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторые старые товарищи Сальватерра, подошли къ нему. Одинъ изъ нихъ, Хуанонъ, сказалъ:

– Многое измѣнилось, Фернандо. Мы отступили назадъ, и богатые стали сильнѣе прежняго!

И онъ началъ рассказывать о режимѣ террора, принуждающаго къ молчанію все крестьянство. При малѣйшей жалобѣ батраковъ сейчасъ же начинаются крики, что воскресаеъ черная рука.

– Что это за «черная рука!» – гнѣвно воскликнулъ Хуанонъ. – Онъ претерпѣлъ гоненіе и судъ, потому что его обвинили въ томъ, что онъ членъ этого общества, а онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о немъ. Цѣлые мѣсяцы провелъ онъ въ тюрьмѣ съ другими несчастными. Ночью его выводили изъ тюрьмы для допроса, сопровождаемаго истязаніями въ темномъ одиночествѣ полей. Еще теперь у него на тѣлѣ немало рубцовъ отъ тогдашнихъ ударовъ и тогдашняго жестокаго избіенія. Но хотя бы его убили, онъ не былъ бы въ состояніи отвѣтить по желанію своихъ палачей. Онъ зналъ объ обществахъ и союзахъ для самозащиты поденщиковъ и для сопротивленія угнетенію господъ; онъ состоялъ ихъ членомъ; но о черной рукѣ, о террористическомъ обществѣ съ кинжалами и дикой мезьей, онъ не слышалъ ни одного слова. А въ доказательство существованія такого общества могло быть приведено только одно единственное убійство. И вотъ изъ-за него казнили нѣсколькихъ рабочихъ и сотни изъ нихъ гноили, какъ и его, по тюрьмамъ, заставляя ихъ переносить мученія, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые лишились даже жизни.

Хуанонъ замолкъ, и всѣ кругомъ него погрузились въ невеселое раздумье. Въ глубинѣ комнаты женщины, сидя на полу, съ юбками округленными, какъ шапки большихъ грибовъ, рассказывали сказки или же передавали другъ другу о разныхъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, благодаря чудотворнымъ иконамъ.

Надъ смутнымъ гуломъ разговоровъ поднималось тихое пѣніе. Это пѣли цыгане, продолжавшіе наслаждаться необычайнымъ своимъ ужиномъ. Тетка Алкапаррона достала изъ-подъ большого своего платка бутылку вина, чтобы отпраздновать свою удачу въ городѣ. Дѣтямъ досталась небольшая доля его, но веселье овладѣло ими... Устремивъ глаза на мать, которою онъ сильно восхищался, Алкапарронъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ тихаго хлопанья въ ладоши всей его семьи. Онъ прервалъ свое пѣніе, чтобы высказать матери то, что ему только что пришло на умъ:

– Мама, какъ несчастны мы, цыгане! Они, испанцы, изображаютъ собою все; и королей, и губернаторовъ, и судей, и генераловъ; а мы, цыгане, мы – ничто.

– Молчи, сынокъ, зато никто изъ насъ, цыганъ, не былъ ни тюремщикомъ, ни палачомъ!.. Продолжай пѣсни, спой еще что-нибудь.

И пѣніе, и хлопанье въ ладоши началось вновь. Одинъ поденщикъ предложилъ стаканъ водки Хуанону, но онъ отказался.

– Это-то и губить насъ, – сказалъ онъ поучительнымъ тономъ. – Проклятое питье!

И Хуанонъ сталъ предавать анаѳемѣ пьянство. Эта несчастные люди забываютъ обо всемъ, лишь только они напьются. Если они когда-нибудь возстанутъ, то, чтобы ихъ побѣдить, богачамъ придется лишь открыть для нихъ бесплатно свои винныя лавки.

Многіе изъ присутствовавшихъ протестовали противъ словъ Хуанона. Что же дѣлать бѣдняку, какъ не пить, чтобы забыть свою нужду и горе? И прервавъ молчаніе, многіе заговорили сразу, высказывая свой гнѣвъ и недовольство. Кормятъ ихъ съ каждымъ днемъ все хуже: богатые злоупотребляютъ своей силой и тѣмъ страхомъ, который они сумѣли внушить бѣднякамъ и укрѣпить въ нихъ.

Только въ періодъ молотьбы имъ даютъ гороховую похлебку, во все же остальное время рода они получаютъ хлѣбъ, одинъ лишь хлѣбъ, и тотъ во многихъ мѣстахъ въ обрѣзъ.

Старикъ Сарандилья вмѣшался въ разговоръ. По его мнѣнію хозяева могли бы все устроить къ лучшему, еслибъ они хотъ нѣсколько сочувствовали, бѣднымъ и выказали бы милосердіе, побольше милосердія.

Сальватьерра, безстрастно слушавшій рѣчи поденщиковъ, теперь взволновался и превралъ свое молчаніе, услыхавъ слова старика, Милосердія! Для чего? Чтобы удержать бѣдняковъ въ ихъ рабствѣ, въ надеждѣ на тѣ крохи, которыя имъ бросаютъ и которыя на нѣсколько мгновений утоляютъ ихъ голодъ и способствуютъ продленію ихъ порабошенія. Милосердіе нимало не способствуетъ тому, чтобы сдѣлать человѣка болѣе достойнымъ. Оно царитъ уже девятнадцать вѣковъ; поэты воспѣваютъ его, считая его божественнымъ дыханіемъ, счастливые провозглашаютъ его одной изъ величайшихъ человѣческихъ добродѣтелей, а міръ остается все тѣмъ же міромъ неравенства и несправедливости. Нѣтъ, эта добродѣтель одна изъ самыхъ ничтожныхъ и безсильныхъ. Она обращала къ рабамъ слова, исполненныя любви, но не ломала ихъ цѣпи; предлагала кусокъ хлѣба современному невольнику, но не позволяла себѣ бросить ни малѣйшаго упрека противъ того общественнаго строя, который присуждалъ этого невольника къ голоданію на весь остатокъ его жизни. Милосердіе, поддерживающее нуждающагося лишь одно мгновеніе, чтобы онъ нѣсколько окрѣпъ, является столь же добродѣтельнымъ, какъ и та крестьянка, которая кормитъ куръ на своемъ птячьемъ дворѣ и заботится о нихъ до той минуты, когда она ихъ заклетъ, чтобы съѣсть.

Эта тусклая добродѣтель ничего не сдѣлала, чтобы завоевать людямъ свободу. Только протестъ разорвалъ цѣпи древняго раба, и онъ же сломитъ оковы современнаго пролетарія. Одна лишь социальная справедливость можетъ спасти людей.

– Все это прекрасно, донъ-Фернандо, – сказалъ старикъ Сарандилья. – Но бѣдные нуждаются въ одномъ, въ надѣлѣ земель, чтобы жить, а земля – собственность хозяевъ.

Сальватьерра вспльчиво отвѣтилъ, что земля ничья соботвенность, она принадлежитъ тѣмъ, кто ее воздѣлываетъ.

– Земля ваша, она принадлежитъ всѣмъ крестьянамъ. Человѣкъ рождается съ правомъ на воздухъ, которымъ онъ дышитъ, на солнце, которое его грѣетъ, и долженъ требовать, чтобы ему дана была земля, которая даетъ ему питаніе. Не надо намъ милосердія, дайте намъ справедливость, одну лишь справедливость, дайте каждому то, что ему принадлежитъ!

IV

Двѣ большія дворняжки, которыя сторожили ночью окружности башни въ Марчамало, и лежали свернувшись въ клубокъ, опирая на хвостъ свирѣпья морды, подъ аркадами дома, гдѣ были виноградныя давильни, перестали дремать.

Обѣ онѣ одновременно поднялись. Обнюхивая воздухъ, и покачиваясь съ нѣкоторой неувѣренностью, собаки зарычали, а затѣмъ, кинулись внизъ, по винограднику, съ такой стремительностью, что подъ ихъ лапами вырывалась земля.

Это были почти дикія животныя, съ глазами, искрящимися огнемъ, и челюстями, унизанными зубами, отъ которыхъ холодъ пробѣгалъ по тѣлу. Обѣ собаки бросились на человѣка, который шелъ нагяувшаясь между виноградными лозами, а не по прямому спуску, ведущему отъ большой дороги къ башнѣ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.